

В. В. Тихонов

Московская
историческая школа
в первой половине XX века

Научное творчество
Ю. В. Готье,
С. Б. Веселовского,
А. И. Яковлева и С. В. Бахрушина

Виталий Тихонов

**Московская историческая
школа в первой половине XX
века. Научное творчество Ю.
В. Готье, С. Б. Веселовского, А.
И. Яковлева и С. В. Бахрушина**

«Нестор-История»

2012

УДК 930.1(091)
ББК 63.1

Тихонов В. В.

Московская историческая школа в первой половине XX века. Научное творчество Ю. В. Готье, С. Б. Веселовского, А. И. Яковлева и С. В. Бахрушина / В. В. Тихонов — «Нестор-История», 2012

ISBN 978-5-90598-643-7

Монография посвящена рассмотрению эволюции Московской исторической школы в первой половине XX в. на примере творчества самых ярких представителей ее «младшего поколения»: Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева и С.В. Бахрушина. С привлечением широкого круга источников, в том числе и архивных, на широком социально-политическом, культурно-историческом и историографическом фоне показаны этапы научных биографий историков. Жизнь и научная деятельность ученых разделена на два крупных этапа: дореволюционное время и советский период. Анализируются направление и особенности исследовательской деятельности в разные эпохи. Важной составляющей исследования стало изучение проблемы «власть и историки» в советское время (1920–1940-е гг.). Для специалистов-историков, студентов исторических факультетов вузов, а также всех интересующихся российской историей и культурой.

УДК 930.1(091)
ББК 63.1

ISBN 978-5-90598-643-7

© Тихонов В. В., 2012
© Нестор-История, 2012

Содержание

Введение	7
Часть I	9
Глава 1	9
1. Научные школы в исторической науке	9
2. Московская историческая школа	12
3. Младшее поколение историков Московской школы: предварительные соображения	21
4. Литература о жизни и творчестве Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева и С.В. Бахрушина	23
Глава 2	36
1. Основные тенденции развития отечественной исторической науки на рубеже XIX–XX вв	36
2. Ю.В. Готье: первые шаги в науке	38
3. С.Б. Веселовский: от юриста к историку	44
4. А.И. Яковлев: начало научного пути	48
5. С.В. Бахрушин: формирование научного мировоззрения	59
6. Взаимоотношения Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева и С.В. Бахрушина	65
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Виталий Витальевич Тихонов

Московская историческая школа в первой половине XX века

Моей жене и дочери с любовью

© В.В. Тихонов, 2012

© Издательство «Нестор-История», издательская подготовка, 2012

* * *

Введение

Отечественная историческая наука первой половины XX в. развивалась в сложных условиях трансформации российского социума и ломки привычного уклада жизни. Все это отразилось на работе научно-исторического сообщества. Жизнь многих выдающихся ученых пришлась на два непростых периода нашей истории: начало XX в. и эпоху радикальных социальных перемен 1920–1940-х гг. Тем не менее историки того времени оставили блестящее наследие, которое до сих пор оказывает значительное влияние на эволюцию исторических исследований в России. Дореволюционные историки-профессионалы отличались высоким уровнем подготовки, позволявшим им решать сложнейшие задачи, которые ставились перед ними запросами как общества, так и самой логикой развития исторической науки. Особое место среди них занимали представители Московской исторической школы.

Интерес к историкам Московского университета всегда был устойчивым. Объясняется это не только тем огромным значением, которое имел университет в культурной жизни страны, но и тем, что в его стенах сформировалась оригинальная научно-историческая школа. Ее лучшие представители всегда занимали лидирующее положение в отечественной историографии. Повышенное внимание всегда уделялось творчеству историков, заложивших научные традиции изучения истории России в Московском университете. Речь идет о С.М. Соловьеве и В.О. Ключевском. Последнему посвящено большое количество различных исследований. На данном этапе развития историографического знания наблюдается переход от изучения наследия самого В. Ключевского к анализу вклада в развитие исторической науки его учеников. Тем самым ставится вопрос, насколько идеи выдающегося ученого оказались жизнеспособны.

Однако в работах специалистов сложилась своеобразная традиция ограничиваться рассмотрением творчества далеко не всех историков, испытавших на себе влияние концепций и методологических подходов

В. Ключевского. Видимо, с легкой руки Т. Эммонса¹ круг учеников Ключевского принято ограничивать П.Н. Милюковым, М.К. Любавским, Н.А. Рожковым, М.М. Богословским, А.А. Кизеветтером и Ю.В. Готье. Такой подход получил дальнейшее распространение в учебных пособиях и обобщающих трудах. Остальные представители «школы Ключевского» фактически оказываются вне поля зрения. Исходя из этого, актуальной задачей историографии является анализ творчества остальных учеников мэтра в контексте эволюции данного научного сообщества. Наиболее яркими представителями «младшего поколения» учеников традиционно считаются Ю.В. Готье (1873–1943), С.Б. Веселовский (1876–1952), А.И. Яковлев (1878–1951) и С.В. Бахрушин (1882–1950). Именно их научное творчество и является объектом данного исследования.

В последние десятилетия в отечественных историографических исследованиях преобладал персонифицированный подход к изучению истории исторической науки. Данный ракурс исследования, отталкивающийся от той простой истины, что наука развивается благодаря деятельности ученых, каждый из которых – индивидуальность, позволял рассмотреть сложный процесс создания исторических знаний во всех его индивидуальных оттенках. Особенно плодотворным данный подход оказался в условиях, когда возникла необходимость буквально из небытия воскрешать забытые либо запретные имена деятелей «буржуазной» исторической науки. В то же время, несмотря на очевидные плюсы, данный подход привел к видимому распаду общей картины развития исторической науки в России на множество отдельных судеб ее творцов. В последнее время чувствуется насущная необходи-

¹ Эммонс Т. Ключевский и его ученики // Вопросы истории. 1990. № 11. С. 45–61.

мость изучения коллективных форм наукотворчества, что позволяет связать разрозненный поток индивидуальных биографий в сложный процесс создания знаний, где индивидуальное и коллективное тесно переплетаются. Особый интерес в историографической литературе вызывают научные школы. Именно рассмотрение творчества отдельных историков в рамках так называемой схоларной проблематики приобрело особую популярность. Значительная часть исследований посвящена Московской исторической школе или, как ее чаще называют, «школе Ключевского». Тем не менее творчество Готье, Веселовского, Яковлева и Бахрушина редко рассматривается в контексте данной проблематики.

В предлагаемой работе не ставится цель дать исчерпывающую картину жизни, научной и общественной деятельности указанных историков, поскольку каждый из них заслуживает отдельного биографического исследования. Задачей исследования является рассмотрение основных биографических вех жизни, которые у московских историков-учеников В. Ключевского тесно переплетались. Объединение в одной работе несколько персональных биографий неизбежно придает книге очерковый характер.

Предметом работы является научное творчество историков. Под научным творчеством понимается совокупность методологических и методических взглядов ученого, а также реализация этих установок в конкретной исследовательской деятельности. Важнейшей частью научного творчества является концепция историка, во многом определяющая и направляющая его деятельность. В то же время не стоит абсолютизировать значение исторической концепции, как это нередко делается. Изучение только лишь концепций не позволяет решить проблему того, как автор пришел к тем или иным выводам в ходе исследования, чего настоятельно требует современная историография. Задачи историографического анализа существенно расширились. От вопроса «Какое знание было получено в результате деятельности историков?» мы переходим к вопросу «Как это знание было получено?». А это, в свою очередь, предполагает рассмотрение творчества ученого-историка, как взаимосвязанной многоуровневой системы, где концепция является лишь вершиной айсберга, вырастающей из принципов и методов исследования, мировоззрения ученого, источниковой оснащенности его работ, влияния других специалистов на его деятельность и т. д. Учитывая непростые условия развития исторической науки в условиях революций, Гражданской войны и социально-политического террора, не стоит забывать и тот факт, что большое влияние на научное творчество оказывало идеологическое давление.

Для реализации поставленной задачи необходимо привлечение значительного количества не только опубликованных работ, но и архивных материалов. Особенно настоятельно этого требует тот факт, что зачастую историки не могли публично выражать свои взгляды, создавая работы «в стол». В основу исследования были положены личные фонды историков, отложившиеся в Архиве РАН и Научно-исследовательском отделе рукописей РГБ. Отдельные материалы были привлечены из личных фондов других историков, друзей и коллег. Кроме того, значительным подспорьем в реконструкции биографий и научно-педагогической деятельности Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева и С.В. Бахрушина стали фонды различных организаций, хранящиеся в ГА РФ, Архиве РАН, ЦИАМ. Выявленные документы позволяют полнее представить деятельность московских историков.

Хронологические рамки работы определяются тем фактом, что научная деятельность указанных историков приходится на первую половину XX в. Вступив в научное сообщество в начале XX в., Готье, Веселовский, Яковлев и Бахрушин на протяжении полувека во многом определяли развитие изучения средневековой истории России. Несмотря на все перипетии, они заслуженно стали признанными классиками отечественной историографии, воспитав немалое количество учеников, в свою очередь продолживших их начинания в разработке русской истории.

Часть I

Дореволюционный период

Глава 1

Теоретико-методологические и историографические основы исследования

1. Научные школы в исторической науке

Важной чертой современного науковедения в целом и историографии в частности является понимание науки как феномена культуры. Это позволяет отказаться от узкого рассмотрения истории знаний как объективистского, кумулятивного и внесоциального явления и перейти к изучению научного сообщества как части внутренних и внешних социокультурных процессов. Среди историографов появилось стремление рассмотреть ученого как часть его исторической эпохи и социальной группы. Данный ракурс настойчиво требует анализа не только собственно научной деятельности ученых, но и их повседневной частной и общественной жизни, политических пристрастий, социально-профессиональной коммуникации. В особенности такой подход справедлив в отношении к историческому знанию, традиционно сохраняющему тесную связь с общекультурными процессами, проходящими в обществе.

В последнее время в отечественной историографии отчетливо проявляется интерес к генерационному подходу в изучении исторической науки². Несмотря на определенную условность разделения историков на различные поколения, данный взгляд позволяет изучать сообщество профессиональных историков как социокультурную среду, нацеленную на создание условий для непрекращающегося научного поиска. В нормальных условиях стабильного социально-политического развития в стране учителя и ученики предстают как цепь единого процесса производства научного знания, в ходе которого происходит как сохранение традиций, так и формирование новых подходов к решению проблем. Данный взгляд позволяет по-новому осветить и такой феномен наукотворчества, как научные школы. Несмотря на эмпирически давно установленный факт, что в рамках одного течения или школы могут существовать разные поколения, со своей спецификой в производстве знаний, специальных исследований, где бы применялся этот подход к изучению школ, до сих пор не было.

Во второй половине XIX в. в отечественной исторической науке доминирующим видом неформальной кооперации историков стали научные школы. Являясь необходимой формой развития научно-исторического сообщества, научные школы стали центром воспитания молодых специалистов. Не случайно один из самых заметных историков начала XX в. С.В. Рождественский писал: «Но наука тогда только становится наукой в точном смысле слова, когда из механической совокупности трудов отдельных лиц она становится органическим целым, связывающим массу этих трудов единством обобщающей мысли, традициями известных методических направлений, — тем, что называется „школой“»³.

² См.: *Иллерицкая Н.В.* Историко-юридическое направление в русской историографии второй половины XIX века. М., 1998; *Сидорова Л.А.* Советская историческая наука середины XX века. Синтез трех поколений. М., 2008.

³ *Рождественский С.В.* Историк-археолог-архивист // Архивное дело. 1923. № 1. С. 1.

Школа – это сложный организм, основанный на научном и личностном взаимодействии между учителем и его учениками, а также различными поколениями представителей сообщества⁴. В последнее время интерес к феномену научно-исторических школ в отечественной историографии был огромен⁵. Главным итогом анализа проблемы, включавшего научные дискуссии и конкретно-исторические исследования, стало признание самого феномена исторической школы, а сама категория прочно вошла в арсенал историографических исследований и приобрела хотя и не очень четкие (впрочем, это типичная черта гуманитарного понятийного аппарата вообще), но вполне узнаваемые черты. В современной историографической литературе «школа» трактуется как «совокупность ученых, объединенных общим направлением научного поиска, общностью научных взглядов и принципов»⁶. При этом, несмотря на признание некоей целостности школы как научного коллектива, за каждым членом признается право на индивидуальные черты, которые нередко даже более очевидны в его деятельности, чем традиции научной школы. В данном случае мы имеем дело с диалектической взаимосвязью коллективного и индивидуального в научном творчестве. У разных ученых эта связь проявляется по-разному.

В ходе историографических исследований специалистами были выделены устойчивые критерии, по которым можно определить существование школы: 1) коммуникативная связь между учителем (учителями) и учениками, заключающаяся в педагогическом и неформальном общении; 2) общность методологических (чаще – методических) позиций историков, куда включается категориальный аппарат, при помощи которого ведется изучение истории, принципы и методы работы с источниками, понимание задач развития исторической науки и т. д.; 3) близость конкретно-исторических исследований, взаимозависимость тематики работ; 4) политическая позиция членов неформального научного сообщества, которая из-за

⁴ Подробнее о феномене научных школ см.: *Школы в науке*. М., 1977.

⁵ *Ананьич Б.В., Панях В.М.* Петербургская школа и ее судьба // *Отечественная история*. 2000. № 5. С. 105–118; *Беленький А.Л.* К проблеме наименования школ // XXV съезд КПСС и задачи изучения исторической науки. Вып. 2. Калинин, 1978; *Бон Т.* Русская историческая наука. Павел Николаевич Милюков и Московская школа. СПб., 2005; *Гришина Н.В.* Школа В.О. Ключевского в культурном пространстве дореволюционной России: Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. Челябинск, 2004; *Гутнов Д.А.* Об исторической школе Московского университета // *Вестник Московского университета. Серия 8: История*. 1993. № 3. С. 40–53; *Он же.* О школах в исторической науке // *История мысли. Историография*. М., 2002. С. 65–72; *Жуковская Т.Н.* Некоторые размышления о Петербургской школе // Третьи мартовские чтения памяти С.Б. Окуня: Мат-лы науч. конф. СПб., 1997. С. 8–14; *Кареев Н.И.* Отчет о русской исторической науке за 50 лет (1876–1926) // *Отечественная история*. 1994. № 2. С. 136–154; *Каганович Б.С.* Евгений Викторович Тарле и Петербургская школа историков. СПб., 1995; *Киреева Р.А.* Государственная школа: историческая концепция К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина. М., 2004; *Корзун В.П.* Московская и Петербургская школы русских историков в письмах П.Н. Милюкова С.Ф. Платонову // *Отечественная история*. 1999. № 2. С. 171–182; *Михальченко М.И.* Киевская школа в российской историографии (школа западно-русского права). М.; Брянск, 1996; *Он же.* Школы в исторической науке // *Отечественная культура и историческая мысль XVIII–XX веков*. Брянск, 2004. С. 195–211; *Мягков Г.П.* Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань, 2000; *Погодин С.Н.* Научные школы в исторических науках (к постановке вопроса) // *Клио*. 1998. № 1. С. 14–26; *Он же.* «Русская школа» историков: Н.И. Кареев, И.В. Лучицкий, М.М. Ковалевский. СПб., 1997; *Попов А.С.* Школа Ключевского: синтез истории и социологии в российской историографии: Автореф. дисс. ... д-р. истор. наук. Пенза, 2002; *Носков Э.Г.* Университет как институциональная форма бытия научного сообщества Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. Ульяновск, 1999; *Региональные школы русской историографии*. Budapest, 2007; *Ростовцев Е.А.* А.С. Лаппо-Данилевский и Петербургская школа. Рязань, 2004; *Сидорова Л.А.* Школы в исторической науке России // *Отечественная история*. 1999. № 6. С. 200–203; *Он же.* А.С. Лаппо-Данилевский и Петербургская историческая школа: Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. СПб., 1999; *Трибунский П.А.* «Школа Ключевского» в оценке П.Н. Милюкова // В.О. Ключевский и проблемы российской провинциальной культуры и историографии. М., 2005. С. 399–403; *Шаханов А.Н.* К проблеме школ в российской исторической науке // *Отечественная культура и историческая мысль XVIII–XX веков*. Брянск, 2004. С. 147–195; *Он же.* Русская историческая наука второй половины XIX – начала XX века. Московский и Петербургский университеты. М., 2003; *Шикло А.Е.* Методическая разработка к курсу «Историография российской истории». М., 1993; *Чирков С.В.* Археология и школы в русской исторической науке конца XIX – начала XX в. // *Археологический ежегодник за 1989 год*. М., 1990; *Он же.* В.О. Ключевский и развитие отечественной археологии в конце XIX – начале XX века // В.О. Ключевский и проблемы российской провинциальной культуры и историографии. М., 2005. С. 10–155; *Эммонс Т.* Ключевский и его ученики // *Вопросы истории*. 1990. № 11. С. 45–61 и др.

⁶ *Попов А.С.* Указ. соч. С. 13.

тесной связи этих людей нередко совпадает, хотя может и различаться⁷. Стоит отметить, что каждая научная школа – явление уникальное, поэтому для ее выделения из общего потока представителей научного сообщества могут быть использованы специфические, только ей присущие критерии, которые будут дополнять указанную выше матрицу.

Во второй половине XIX – начале XX в. историческая наука отличалась сложной структурой. Схематически это выглядело следующим образом: *парадигма* – научная школа – индивидуальное творчество. Под *парадигмой* принято понимать систему господствующих теоретических и практических образцов научного исследования. Во второй половине XIX в. господствующей парадигмой был позитивизм. Еще одним важным компонентом научного мира были *научные школы*. Основой научной школы является оригинальная исследовательская программа, которой придерживается определенный коллектив ученых разного возраста и статуса. Указанный период – время расцвета научно-исторических школ. При этом надо учитывать, что научные школы – феномен, меняющийся во времени. В разные периоды на первый план выходят разные характерные признаки научной школы. В исторической науке школы формируются в начале XIX в., когда начался постепенный переход от индивидуальных к коллективным формам наукотворчества.

В науковедческой литературе выделяется три типа научных школ: 1) научно-образовательная школа; 2) школа – исследовательский коллектив; 3) школа как направление⁸. С определенной спецификой предложенные типы школ прослеживаются и в историографии.

Первый тип тесно связан с университетским образованием. Нередко эти школы называют «классическими», так как они в наибольшей степени соответствуют представлениям о школе как образовательном институте. Такие школы разделяются по личности их основателя и научного лидера (школа Ключевского, школа Платонова, школа Лаппо-Данилевского) или по принадлежности к университетскому центру (Московская школа, Петербургская школа).

Отличительной чертой школ как исследовательских коллективов является тот факт, что приобщение к научному творчеству здесь происходит не путем преподавания, а посредством практической деятельности внутри группы ученых. Школы как исследовательские коллективы в конце XIX – начале XX в. еще не сформировались. Их расцвет придется на вторую половину XX в., когда будет создана разветвленная сеть научно-исследовательских коллективов, но в зачаточном состоянии этот тип можно обнаружить в «школе Лаппо-Данилевского», сообществе московских историков начала XX в.

Школа как направление появляется тогда, когда определенная научная идея выходит далеко за пределы узкой группы ученых-создателей и распространяет свое влияние на широкие научные круги независимо от их географического расположения. К этому варианту можно отнести государственную школу.

Доминирующим типом школ в конце XIX – начале XX в. являлись образовательные школы, группировавшиеся вокруг крупнейших университетских центров Российской империи. В это время происходит переход от индивидуального научно-исторического творчества, характерного для предыдущих этапов развития исторической науки, к коллективным формам производства научного знания, и университеты играли в этом процессе определяющую роль. Безусловное лидерство среди них принадлежало историческим школам Московского и Петербургского университетов. Именно здесь проходили подготовку впоследствии наиболее выдающиеся отечественные историки, и именно их изучению посвящено большинство историографических работ.

⁷ Схожие критерии выделили: Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань, 2000; Михальченко М.И. Школы в исторической науке // Отечественная культура и историческая мысль XVIII–XX веков. Брянск, 2004. С. 205–206.

⁸ Ярошевский М.Г. Логика развития науки и научная школа // Школы в науке. М., 1977. С. 28.

2. Московская историческая школа

Московской исторической школе, которую чаще принято называть «школой Ключевского», посвящено значительное количество литературы. Центральной проблемой, возникающей в связи с изучением сообщества московских историков, является вопрос онтологического статуса школы. Такие проблемы, как соотношение Московской и Петербургской школ, вопрос лидера школы, ее институциональных основ и т. д., продолжают остро интересовать исследователей. В целом каждая из этих проблем заслуживает отдельного исследования. Но стоит зафиксировать характерные черты Московской школы, присущие, в первую очередь, ее старшему поколению.

Московская историческая школа второй половины XIX – начала XX в. сформировалась под непосредственным влиянием научного наследия С.М. Соловьева и в особенности В.О. Ключевского⁹. В значительной степени исследовательский почерк московских историков-русистов определил и специалист по всемирной истории П.Г. Виноградов. Если у С.М. Соловьева и В.О. Ключевского были позаимствованы схема русского исторического процесса и категориальных строй, то на семинарских занятиях у П.Г. Виноградова будущие историки учились технике научного исследования и работе с источниками. Учитывая то, что у представителей этой школы, по сути, было несколько учителей, с нашей точки зрения, точнее говорить не о «школе Ключевского», а о «Московской исторической школе». Более того, изучение жизни и деятельности некоторых историков, не являвшихся непосредственными учениками Ключевского, но воспринявших его концепцию и методы исследования¹⁰, свидетельствует о том, что школа была шире непосредственного круга учеников мэтра. По мнению А.С. Попова, подобный подход обладает «меньшей определенностью», чем термин «школа Ключевского», «а следовательно, легитимность»¹¹. Но тогда точка зрения Попова неоправданно сужает и не отражает всей широты проблемы, не позволяет адекватно отразить существовавшие реалии. Очевидно, что не только Ключевский, который был идейным лидером школы, воспитывал научное мировоззрение историков-русистов Московского университета. Поэтому предметом исследования в данной работе будет именно Московская историческая школа, а термины «школа Ключевского», «ученики Ключевского» или «московские историки» будут использоваться как синонимы этой категории.

Московская историческая школа и ее лидеры-основатели привнесли в отечественную историографию ряд новшеств. В первую очередь необходимо говорить о новаторском для своего времени подходе к изучению отечественной истории, который только наметил С.М. Соловьев и окончательно оформил, модернизировал и закрепил в науке В.О. Ключевский.

Он заключался в переходе от анализа эволюции государства через призму законодательных памятников, характерного для государственной школы, к многоаспектному изучению прошлого с упором на социально-экономические проблемы. Основной категорией такого анализа становится понятие «класс», которое у Ключевского отождествляется с общественными группами, выделяемыми как по экономическим критериям, так и по их социально-юридическому статусу. В этом проявилась позитивистская направленность методологии Ключевского, заключающаяся в том, что экономический и юридический факторы рассматривались как равновеликие. Изучение истории общества и государственных институтов с точки зрения их классовой составляющей стало неотъемлемой частью того подхода,

⁹ Известный специалист в области истории исторической науки М.Г. Вандалковская даже считает необходимым говорить о «школе Соловьева-Ключевского»: *Вандалковская М.Г. О традициях дореволюционной науки // Россия в XX веке: Судьбы исторической науки. М., 1996. С. 97–98.*

¹⁰ Например: *Тихонов В.В. Историк «старой школы»: Научная биография Б.И. Сыромятникова. Pisa, 2008.*

¹¹ *Попов А.С. Указ. соч. С. 15.*

который был свойственен ученикам Ключевского. Достаточно быстро данный ракурс исследования стал общепризнанным в российской исторической науке. Интерес к социальным вопросам и влияние позитивизма привели Ключевского к провозглашению нового направления – «исторической социологии», целью которой было «изучение строения общества, организации людских союзов, развития и отправлений их отдельных органов...»¹². Кроме того, стоит отметить интерес московских историков к проблемам истории налогообложения и финансов. С точки зрения А.С. Попова, В. Ключевский и его ученики в своих исследованиях провели синтез истории и социологии¹³. Данное утверждение представляется несколько преувеличенным, поскольку многие представители Московской школы (например, М.М. Богословский и А.А. Кизеветтер) скептически относились к объединению этих двух дисциплин. Тем не менее стоит повторить расхожее мнение, что московским историкам был свойственен интерес к социальной тематике и стремление концептуализировать полученные фактические данные, создать широкие исторические обобщения, что не совпадало со стремлением их петербургских коллег к скрупулезному анализу, в первую очередь, фактической стороны исторического процесса¹⁴. Исследователь Петербургской исторической школы Е.А. Ростовцев справедливо отметил «идеографический характер» исторических исследований петербургских историков¹⁵.

Другой категорией, ставшей важным инструментом исследования для историков Московской школы, была «колонизация». Ключевский вслед за Соловьевым, как известно, называл Россию колонизирующейся страной. В своей исторической концепции он сделал акцент на этом тезисе, рассматривая русскую историю во многом как следствие колониционных процессов. История колонизации – одна из самых устойчивых тем для учеников В. Ключевского. Изучение отечественной истории через призму этих категорий было важнейшим признаком Московской исторической школы.

Отличительной чертой московских исследователей была последовательность в выборе тем исследования. Диссертации учеников Ключевского, как правило, были продолжением работ их предшественников. На примере старшего поколения московских историков это прекрасно показал А.Н. Шаханов¹⁶. На этом фоне несколько странно выглядит его же утверждение, что «тематика исследований в Москве и Петербурге в 1880–1910-е гг. определялась прежде всего текущими задачами российской науки, одинаково понимаемыми в обоих университетских центрах»¹⁷. То, что историки обоих университетов чутко улавливали потребности развития исторической науки, не вызывает сомнений, но при этом в Московской школе тематическая последовательность была взята за правило. И чем дальше, тем данная тенденция становилась очевиднее. Так, работа Ю.В. Готье о Замосковном крае¹⁸ была продолжением диссертации Н.А. Рожкова о сельском хозяйстве XVI в.¹⁹ Докторская диссертация того

¹² Ключевский В.О. Курс лекций по русской истории // [Ключевский В.О.] Сочинения в девяти томах. Т. I. М., 1987. С. 35.

¹³ Попов А.С. Указ. соч.

¹⁴ Валк С.В. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Избранные труды по историографии и источниковедению. СПб., 2000; Дубровский А.М. Ученый и его наука в письмах // Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками. М., 1998. С. 12; Миллюков П.Н. Воспоминания. М., 1990. С. 156; Он же. Два русских историка: С.Ф. Платонов и А.А. Кизеветтер // Современные записки. 1933. № 51. С. 314; Панях В.М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000. С. 21–23; Пресняков А.Е. Речь перед защитой диссертации под заглавием «Образование Великодержавного государства». Пг., 1920. С. 6; Шмидт С.О. Историография историографии // Исторические записки. № 8 (126). М., 2005. С. 307–308 и др.

¹⁵ Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и Петербургская историческая школа. Рязань, 2004. С. 36.

¹⁶ Шаханов А.Н. Русская историческая наука второй половины XIX – начала XX века... С. 148–267.

¹⁷ Там же. С. 405.

¹⁸ Готье Ю.В. Замосковский край в XVII в.: Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М., 1906.

¹⁹ Рожков Н.А. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. М., 1899.

же Готье²⁰, посвященная областным учреждениям от Петра до Екатерины II, как бы ложилась в хронологическом смысле между диссертациями М.М. Богословского об областной реформе Петра I²¹ и работой А.А. Кизеветтера об административных реформах Екатерины²². Фундаментальная монография С.Б. Веселовского о сошном письме²³ была одновременно и продолжением, и спором с Готье. Магистерская²⁴ и докторская²⁵ диссертации А.И. Яковлева также тематически были дополнением работ Готье и Веселовского²⁶. И таких примеров более чем достаточно, в то время как петербургские историки отличались достаточно произвольным выбором тем для исследований. Тут можно найти работы, посвященные древнейшим периодам и XVIII в., при этом никак не связанные между собой. Таким образом, можно сделать вывод, что в выборе тематики в среде историков Московской школы огромное значение играл имманентный фактор, что придавало школе значительно большую целостность, нежели это было присуще петербургским историкам. Не случайно среди специалистов по петербургской исторической науке принято говорить о «полицентризме» Петербургской исторической школы, существовании в ней нескольких «центров притяжения» в лице Платонова и Лаппо-Данилевского²⁷.

В отличие от Петербургской в Московской школе вспомогательные исторические дисциплины, включая источниковедение, никогда не рассматривались как самостоятельные научно-исторические дисциплины и играли дополняющую роль к конкретно-историческому исследованию. В то же время в Петербурге теоретическое источниковедение развивалось в трудах К.Н. Бестужева-Рюмина, С.Ф. Платонова, А.Е. Преснякова и А.С. Лаппо-Данилевского как самостоятельное направление исследований. Отсюда вытекал и приоритет в изучении прошлого: петербургские историки концентрировались на фактическом анализе, в то время как москвичам был свойственен более концептуальный взгляд на проблемы.

Важным отличием московского научного сообщества от петербургского был и тот факт, что его представители (здесь вновь стоит подчеркнуть: старшего поколения) не занимались публикацией исторических источников, что имело систематический характер в среде петербургских историков. Специально анализирувавший эту проблему С.В. Чирков считает, что московским историкам была свойственна «археография для себя»²⁸. То есть, несмотря на активную архивную работу при подготовке диссертационных исследований, они никогда не стремились обнародовать те архивные богатства, которые ими были выявлены и изучены.

Исторические взгляды тесно переплетаются с социально-политическими предпочтениями, образуя тесную мировоззренческую связь. Научное творчество представителей Московской школы проходило в сложных условиях начала XX в., когда царская власть переживала кризис, а гражданское общество только начинало формироваться. Историки объективно, независимо от собственного желания, оказались в центре стремительно меняющихся событий.

²⁰ Готье Ю.В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. М., 1913.

²¹ Богословский М.М. Областная реформа Петра Великого: Провинция 1719–1727 гг. М., 1902.

²² Кизеветтер А.А. Городовое положение Екатерины II: Исторический комментарий. М., 1909.

²³ Веселовский С.Б. Сошное письмо. Исследования по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. Т. 1–2. М., 1915–1916.

²⁴ Яковлев А.И. Засечная черта Московского государства в XVII в. М., 1916.

²⁵ Он же. Приказ сбора ратных людей. М., 1917.

²⁶ Проблемная и идейная взаимосвязь этих работ будет подробнее освещена далее.

²⁷ Свердлов М.Б. О Петербургской школе историков, корректности историографического анализа и рецензии В.С. Брачева. СПб., 1995. С. 22.

²⁸ Чирков С.В. В.О. Ключевский и развитие отечественной археографии в конце XIX – начале XX века // В.О. Ключевский и проблемы российской провинциальной культуры и историографии: Мат-лы науч. конф. (Пенза, 25–26 июня 2001 года). Кн. 1. М., 2005. С. 130.

Отечественные историки неоднозначно относились к вопросу об участии ученых в политической жизни страны. Пожалуй, лишь П.Н. Милюков открыто рассуждал о тесной взаимосвязи между исторической наукой и политикой. Он считал, что политика – это искусство, но искусство, связанное с решением общественных проблем, поэтому политик нуждается в научном знании для успешной деятельности. Милюков затруднялся провести ту черту, которая разделяла бы научно-историческое знание и политику. Он писал: «Дело в том, что в данном случае познающий и действующий субъекты стоят так близко друг к другу, так часто совмещаются в одном лице, что смешение научной и практической точки зрения становится самым обыкновенным случаем»²⁹. Автор этих строк сам являлся ярким примером совмещения в одном лице историка и политика.

Московские историки отличались активностью на социально-политическом поприще, большинство из них придерживалось либеральных взглядов. «Университет – не монастырь кабинетных отшельников, но живой орган культурного процесса», – утверждал А.А. Кизеветтер. В подтверждение этих слов многие московские историки принимали деятельное участие в общественной жизни страны. Зачастую их политические и исторические взгляды теснейшим образом переплетались. Между актуальными общественными задачами и проблематикой исследований существовала прямая связь. Легко заметить в работах историков повышенный интерес к проблемам реформирования российского государства, местному самоуправлению, общественным движениям. Придерживаясь представлений о схожести исторического пути России и Европы, большинство историков считало, что Российская империя неизбежно перейдет к тем же формам общественного устройства, что и западноевропейские страны, совершит переход от абсолютной монархии к правовому государству.

Петербургские историки, как представители столичного университета, занимали более академичную позицию, стремясь избежать открытого конфликта с властью. Показательным является случай, произошедший с А.С. Лаппо-Данилевским. В 1908/1909 учебном году во время студенческой забастовки преподаватель, придя на занятия, обнаружил в аудитории всего несколько человек. Тогда он решил не читать лекцию, а предложил обменяться мнениями о происходящем. Сам историк высказался в том смысле, что проведение забастовки в университете недопустимо, потому что это храм науки, а не арена для политических баталлий³⁰. Такой же позиции придерживалось подавляющее большинство петербургских историков-профессионалов. Любопытно отметить, что, по мнению Е.А. Ростовцева, общественно-политическая атмосфера, царившая в двух университетах, повлияла и на стиль исторических исследований. Так, более свободная и политически активная позиция способствовала стремлению к концептуальному осмыслению в Московском университете, в то время как постоянный правительственный контроль в Санкт-Петербурге толкал к более деидеологизированной научно-критической работе с историческими источниками³¹.

Важнейшим критерием разделения научных сообществ является их самосознание. По меткому замечанию А.Н. Шаханова: «Для представителей научной школы характерна субъективная убежденность в обладании ими истинным знанием и осознанием принадлежности к особой исследовательской или педагогической корпорации»³². Таким образом, самосознание также является критерием выделения научного сообщества. В случае Московской и Петербургской исторических школ можно указать и на традиционное противостояние двух российских столиц. Поскольку данной проблеме практически не уделялось внимания, стоит на ней остановиться подробнее.

²⁹ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 1. СПб., 1896. С. 5.

³⁰ Панях В.М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000. С. 29–30.

³¹ Ростовцев Е.А. Указ. соч. С. 58.

³² Шаханов А.Н. Русская историческая наука второй половины XIX – начала XX века... С. 393.

Дихотомия «Москва – Петербург» является устойчивым феноменом русской культуры. Развиваясь во времени и модифицируясь, она, тем не менее, оставалась одним из главных источников формирования культурных мифов и стереотипов. В культурной мифологии XVIII–XIX вв. Петербург представлялся символом европейского пути России, ее приобщения к европейским ценностям. Москва же ассоциировалась с допетровской Русью и рассматривалась как оплот «азиатчины» и косности. К концу XIX в. бытовые и культурные различия между городами из-за ускоренной урбанизации существенно сгладились. Но на смену одним мифам пришли другие. Петербург стали рассматривать как столицу имперской бюрократии, тогда как Москва позиционировалась как город бурного самоорганизующегося общественного движения.

Противопоставление Москвы и Петербурга не могло не отразиться на историках обеих столиц. Все они воспитывались в определенной культурной среде, которая формировала их мировоззрение. По замечанию И.С. Розенталя: «Городская среда той и другой столицы формировалась как единство материальных условий жизни и особой культурно-психологической атмосферы, а мифология находилась в сложном соотношении с рациональными элементами сознания»³³. Эта среда являлась питательным источником различных стереотипов, от которых трудно было отделаться даже столь высокообразованным людям, которыми, без сомнения, являлись выпускники Московского и Санкт-Петербургского университетов.

Современные исследователи в области историографии при попытке выявить различия между Московской и Петербургской историческими школами в первую очередь делают упор на изучении различий в методологии и методике исторического исследования. Но те различия, которые, безусловно, присутствовали, не объясняют того устойчивого разграничения между московскими и петербургскими историками, которое отчетливо прослеживается в научной среде России конца XIX – начала XX в. Думается, что при объяснении феномена противостояния Московской и Петербургской школ весьма плодотворно будет применение культурологического подхода.

Впервые на культурно-психологические предпосылки появления Московской и Петербургской школ обратил внимание С.Н. Валк. В обширной статье, посвященной 125-летию Петербургского (Ленинградского) университета, он заметил: «История каждого из русских университетов теснейшим образом связана не только с историей общих судеб русского просвещения, но и с теми особыми и местными условиями, в которых жил и развивался каждый из университетов»³⁴. Из современных исследователей на культурно-психологический аспект при рассмотрении специфики петербургской школы указывает С.В. Чирков: «Однако при всех различиях между собой «малых» школ [имеется в виду «школа Платонова» и «школа Лаппо-Данилевского». – В.Т.] их объединяло общее противопоставление петербургской школы московской исторической школе. Здесь наглядно выступает наибольшая актуальность при формировании самосознания научной школы антиномии отчетливо социально-психологического порядка: „мы и они“. Такое противопоставление Б.Ф. Поршнев считал основой самосознания этноса, но ведь научная школа тоже „культурная общность“»³⁵. К сожалению, ни С.Н. Валк, ни С.В. Чирков не развили эти интересные и плодотворные мысли, не насытили их конкретно-историческим материалом. Между тем, мы находим достаточно много фактов, позволяющих трактовать данный вопрос в том числе и как культурную проблему.

³³ Розенталь И.С. Москва на перепутье. Власть и общество в 1905–1914 гг. М., 2003. С. 11.

³⁴ Валк С.В. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Валк С.В. Избранные труды по историографии и источниковедению. СПб., 2000. С. 7.

³⁵ Чирков С.В. В.О. Ключевский и развитие отечественной археографии в конце XIX – начале XX века // В.О. Ключевский и проблемы российской провинциальной культуры и историографии. М., 2005. Кн. 1. С. 116.

Культурные мифы, к которым, без сомнения, относится и дихотомия «Москва – Петербург», являются важным компонентом формирования социальных групп, построенных на четком разделении «своих» и «чужих». Можно предположить, что во многом именно на противопоставлении столиц основывался антагонизм Московской и Петербургской исторических школ.

Московские историки, вобравшие в себя научные идеи своих учителей, вместе с тем были воспитаны в атмосфере противопоставления университетов обеих столиц. Старший представитель поколения московских историков второй половины XIX – начала XX в., П.Н. Милюков, будучи в эмиграции, в своих мемуарах писал следующие строки: «По-прежнему университет, журнал, газета, наука занимали в Москве то первое место, которое в Петербурге принадлежало дворным, сановным и военным кругам. Это, так сказать, самодавление Москвы создавало больше уверенности в себе, больше душевного равновесия и спокойствия в среде интеллигенции, чем в вечно тревожном и нервном, вечно куда-то спешащем Петербурге»³⁶. В другой работе, посвященной сравнению петербургского историка С.Ф. Платонова и московского историка А.А. Кизеветтера, есть похожие мысли: «Петербург официален, Москва вольнолюбива. Петербуржец – формалист, москвич всегда склонен доискиваться причин и „смотреть“ в корень. В Москве хоть отбавляй оригинальности: она выдумывает, не боясь грешить отсебятиной. Петербург осторожен насчет выдумки, зато раз продуманное он мастер приводить в порядок»³⁷.

Таким образом, П.Н. Милюков отчетливо проводит разграничительную линию между Москвой и Петербургом. С его точки зрения, московский социум строится на неформальных общественных началах, где преобладает самоорганизация. Если Москва – культурная столица, то Санкт-Петербург – административный центр империи. П.Н. Милюков подчеркивает, что отличительной чертой москвичей является самостоятельность мышления, способность к глубокому анализу, в то время как петербуржцы склонны к систематизации, опасаются выдвигать смелые идеи. Московские интеллектуалы, по мысли П.Н. Милюкова, более независимы в отношениях с властью, в то время как петербургские научные круги склонны к компромиссу с «дворным, сановным и военным кругами».

В указанных строках П.Н. Милюков выказал то отношение к петербуржцам, которое бытовало в московском интеллектуальном сообществе. Очевидно, что данные высказывания относились и к петербургским историкам, с которыми, кстати, у П.Н. Милюкова сложились вполне хорошие отношения. Причем эти колкие замечания в адрес столицы Российской империи в неформальных беседах были, очевидно, более резкими. В письме к матери тогда еще начинающего историка-петербуржца А.Е. Преснякова, который приехал в Москву для работы в архивах летом 1892 г. и по рекомендации С.Ф. Платонова посетил П.Н. Милюкова, мы находим описание следующего эпизода: «Милюков принял меня очень радушно... У него я встретил еще каких-то причастных к науке субъектов – и про всех можно сказать, что действительно от головы до пяток есть московский отпечаток. Мне как-то сразу стали понятны слова Платонова, что в Москве люди себе цену знают. Сразу поразил какой-то твердый решительный и, пожалуй, даже слишком самоуверенный тон, не избегающий резких выражений и, в частности, довольно-таки пренебрежительное отношение к Петербургскому университету»³⁸.

В письме к своей жене Пресняков еще в более резких тонах описывает произошедшее: «Москва все та же, старая и грязная Москва, и люди все такие же, довольные своими уголками, самоуверенные. Если бы Вы слышали, как пренебрежительно третируют

³⁶ Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1990. С. 156.

³⁷ Он же. Два русских историка: С.Ф. Платонов и А.А. Кизеветтер // Современные записки. 1933. № 51. С. 314.

³⁸ Пресняков А.Е. Письма и дневники. 1889–1927. СПб., 2005. С. 34.

здешние доценты наш Петербургский университет. Один даже сказал что-то вроде того, что интересно было бы сосчитать, сколько идиотов (!) между петербургскими профессорами. Хороши мальчики, нечего сказать. Можно подумать, что они сами-то великие люди»³⁹.

В приведенных выше цитатах наглядно видны различия в менталитете. Если Милюков с гордостью подчеркивает «оригинальность» москвичей, то Преснякову это кажется самоуверенностью. Причем Пресняков указывает на это как на характерную черту («от головы до пяток есть московский отпечаток»). Задело Преснякова и пренебрежение к его родному университету. Ценно указание на предостережение С.Ф. Платонова, который готовил своего ученика к столкновению с людьми, которые «себе цену знают». Таким образом, можно констатировать, что в петербургской научно-исторической среде сложилось стойкое представление о москвичах как заносчивых и резких людях. Тем не менее Пресняков отмечает, что в этой бравате есть и положительные стороны: «А все-таки хорошо, что люди так бодро на вещи смотрят, как здешние, и что себе цену знают, хотя бы и преувеличивают ее»⁴⁰.

Справедливости ради нужно указать, что в письме другого петербургского историка, С.В. Рождественского, впечатление о московских профессиональных историках совсем иное. «В двухчасовой беседе, посвященной московским и петербургским злобам дня, ничего обидного для петербургского самолюбия выслушать мне не пришлось»⁴¹, – писал Рождественский. Впрочем, как утверждают авторы статьи: «Значимым для Рождественского является взгляд москвичей на петербургских историков, его ухо улавливает малейшие нюансы таких оценок, и практически каждое его письмо содержит такую информацию»⁴². Это указывает на то, что Рождественский был изначально готов к разного рода колкостям со стороны москвичей, поэтому он и отмечает тот факт, что их не было.

Если петербуржцы считали москвичей слишком самоуверенными, то мнение о Петербурге как столице чиновников и придворных, где невозможно свободное научное творчество, было весьма распространено в московских кругах. С.В. Веселовский, которому долгое время не давали преподавать в Московском университете, после того как возникла возможность получить научное звание в Санкт-Петербурге и начать там свою педагогическую карьеру, отказался от этого предложения. В своем дневнике он следующим образом объяснил это решение: «Мне представляется, что в П[етербурге] меньше оригинальных людей и независимых характеров, чем в Москве, но средний уровень культуры много выше московского. Нельзя же считать научной средой чиновников от науки, группирующихся около университета, курсов и т. д.»⁴³. Он написал это в 1916 г.

В 1918 г., в эпоху тотальной ломки привычного мира, уже другой московский историк, Ю.В. Готье, рассуждал в том же направлении. Категорический противник большевиков, он считал, что стремление петербургских историков сотрудничать с новыми властями есть проявление их менталитета, сформированного близостью научного сообщества в Петербурге к власти вообще. «Несколько раз пришлось видеться с петербургскими историками Пресняковым и Полиевктовым. Раньше это не осознавалось, но теперь, при обострении жизни, как все-таки ясно чувствуется разница в психологии Петербурга и Москвы. Они легче приспосабливаются к Р.С.Ф.С.Р. и оптимистичнее смотрят на настоящее, чем мы – трудно это сразу объяснить: не то наследие питерской бюрократии, не то налет эсеровщины, уживающийся с тем же бюрократическим духом бывшей столицы»⁴⁴.

³⁹ Там же. С. 412.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Цит. по: Корзун В.П., Мамонтова М.А., Рыженко В.Г. Путешествия русских историков конца XIX – начала XX века как культурная традиция // Мир историка. XX век. Омск, 2002. С. 97.

⁴² Там же.

⁴³ Веселовский С.В. Дневники 1915–1923, 1944 г. // Вопросы истории. 2000. № 2. С. 106.

⁴⁴ Готье Ю.В. Мои заметки // Вопросы истории. 1991. № 8–9. С. 156.

Поразительно как представление Веселовского и Готье о Петербурге и петербургских историках совпадает с записями Милукова. Очевидно, что это указывает на общий стереотип, существовавший у московских историков.

Вообще московские историки ревностно относились к проникновению в свою среду чужаков, представителей других университетов. Характерную позицию занимал М. М. Богословский. После того как в 1911 г., в знак протеста против вмешательства министра народного просвещения Л. А. Кассо в университетскую автономию многие университетские преподаватели подали в отставку, а А. А. Кизеветтер отказался занять кафедру русской истории, Богословский принял предложение возглавить историко-филологический факультет, мотивируя это тем, что иначе наследие В. О. Ключевского достанется М. В. Довнар-Запольскому, выходцу из Киевского университета. Похожие настроения наблюдались и у М. К. Любавского. «Любавский очень осторожно относится к появлению в Москве беглецов из чужого университета»⁴⁵, — отмечал А. Е. Пресняков.

В этом смысле иная позиция была присуща петербургскому научному сообществу. Там традиционно находили пристанище представители различных университетских центров. Достаточно вспомнить К. Н. Бестужева-Рюмина и Н. И. Кареева, окончивших Московский университет, а также Н. И. Костомарова, воспитанника Харьковского университета. Все это привело к относительной аморфности Петербургской исторической школы.

Среди петербургских историков наиболее обстоятельные рассуждения о Москве и Петербурге и научно-исторических сообществах обеих столиц как культурных противоположностях мы находим у А. Е. Преснякова. Он не был коренным петербуржцем, но долгое время прожил в столице, учился в местном университете. Как специалисту по допетровской Руси ему было необходимо ездить в Москву, чтобы работать в архивах, где он часто сталкивался и с московскими историками. В своих письмах он фиксировал многие впечатления от знакомства со второй столицей.

Первое знакомство с майской Москвой 1892 г., которое мы находим у Преснякова, имеет весьма негативный оттенок: «Идя по Москве, я был действительно поражен видом белокаменной: грязь потрясающая. Кажется, в этой белокаменной белено только было, что мой китель»⁴⁶. Но первое негативное впечатление вскоре сменилось симпатией к своеобразному колориту Москвы: «Делать нечего, и теряешь много времени. Трачу я его на хождение по Москве, которая все больше и больше нравится мне своей характерной физиономией и оживленностью. Я вполне понимаю, как скучен Петербург для москвичей, как бесцветна и скучна петербургская толпа сравнительно с здешней»⁴⁷. Именно разнообразие и неформальность социокультурного мира Москвы начинают привлекать автора процитированных строк. Люди здесь кажутся более раскрепощенными и оригинальными: «Вообще в Москве, кажется, не переводятся живые люди»⁴⁸. В противоположность грязной, но колоритной и неоднобразной Москве, Петербург уже представляется историку скучным: «В общем, Петербург такой же скучный и скверный, как всегда, несмотря на хорошую погоду»⁴⁹.

Пресняков во многом был согласен со своими московскими коллегами в оценке петербургской атмосферы. В письме матери от 4 марта 1894 г. находим следующие рассуждения: «Миклишевский, очень симпатичный и знающий человек, — без места. Его, впрочем, вызвали в министерство, поручили какое-то дело и, верно, оставят его здесь, хотя ему очень

⁴⁵ Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 662.

⁴⁶ Там же. С. 34.

⁴⁷ Там же. С. 36.

⁴⁸ Там же. С. 39.

⁴⁹ Там же. С. 144.

тяжело расставаться с Москвой. Сильно не по душе ему наша питерская атмосфера, и я вполне разделяю его мнение»⁵⁰.

Преснякова не устраивала соглашательская позиция по отношению к властям, которая была традиционно присуща представителям Петербургского университета. Комментируя события 1894 г., когда 42 московских профессора во главе с А.А. Остроумовым подали петицию с прошением о смягчении участи высланных из Москвы после волнений студентов, он пишет: «Молодцы москвичи, у нас ничего подобного быть не может»⁵¹. С годами симпатия и любовь к Москве только росли. Пресняков начал все больше ценить ее неповторимую «провинциальность». «А воздух чистый, свежий. Так хорошо дышится после города. И сама Москва не производит на меня такого „городского“ впечатления, как Петербург. Как-то тут свободнее, проще... И люди московские – другие, в трамваях, на улице... Спокойные, веселые, никуда не торопятся, не суетятся». Но при этом историк отмечал и разительные перемены, происходящие с Москвой: «А вместе с тем Москва растет, меняется, пожалуй, больше, чем Петербург... Правду говорят, „что город, то норов“»⁵².

В 1909 г., в письме к жене, Пресняков признается, что Москва ему нравится больше, чем Санкт-Петербург. «Право, помимо пристрастия, хороший город. Гораздо шире, красивее Петербурга. Я рассказывал тебе, что тут и магазины много эффектнее, и как-то все крепче и свободнее. Очень бы хотел тебе Москву показать. И как-то боязно, что тебе моя милая Москва совсем не понравится. Ведь она довольно неряшливая и во многом все-таки купчиха. Не то, что элегантная, бойкая Варшава. Но по-своему она мне гораздо больше нравится. Тут мне, вероятно, и жилось бы хорошо, шире и свободнее, чем в Петербурге. Тут в жизни больше энергии и меньше суеты»⁵³. Примечательно замечание автора о том, что в Москве «больше энергии и меньше суеты». Как это разительно отличается от мнения петербуржцев первой половины XIX в., которые считали Москву патриархальным и нединамичным городом, столицей дворянского гедонизма⁵⁴. На смену праздному московскому дворянству пришла деловитая буржуазия.

Итак, отношение Преснякова к Москве было более чем положительным. Но, несмотря на искреннюю любовь к Москве и симпатию к московскому менталитету, именно Пресняков сформулировал тезис об особом статусе Петербургской исторической школы, во многом отличной от московской. На защите докторской диссертации «Образование Великорусского государства» в 1918 г. он произнес речь, в которой разделил Московскую школу, как школу, основанную на отвлеченном теоретизировании, и петербургскую, где господствует власть факта. «Я определил бы ее [петербургской школы. – В.Т.] характерную черту как научный реализм, сказывающийся, прежде всего, в конкретном, непосредственном отношении к источнику и факту, вне зависимости от историографической традиции»⁵⁵.

Здесь Пресняков как бы поставил с ног на голову тезис Милюкова: «В Москве хоть отбавляй оригинальности: она выдумывает, не боясь грешить отсебятиной. Петербург острожен насчет выдумки, зато раз продуманное он мастер приводить в порядок». Если Милюков видел превосходство Москвы именно в смелости мысли, то теперь Пресняков усмотрел преимущество Петербургской школы в осторожности и обстоятельности, отказе от априорного теоретизирования.

⁵⁰ Там же. С. 129.

⁵¹ Там же. С. 168.

⁵² Там же. С. 618.

⁵³ Там же. С. 626.

⁵⁴ *Figes O. Natasha's dance. A cultural history of Russia.* London, 2002. P. 162.

⁵⁵ *Пресняков А.Е.* Указ. соч. С. 6.

Итак, из приведенного выше видно, что противостояние, которое было характерно для исторических школ в конце XIX – начале XX в., во многом основывалось на культурных стереотипах (которые нередко вполне могли совпадать с реальностью). Петербуржец – формалист, следовательно, и петербургский историк в первую очередь будет заниматься не осмыслением полученных исторических фактов, а их проверкой и первичной систематизацией. Москвич же – «оригинал», он предрасположен к осмыслению истории, к анализу первопричин и созданию смелых концепций.

Из изложенного материала можно сделать вывод, что различия между двумя научными сообществами скрывались не только в научном творчестве, но и в менталитете, сформированном культурной средой Москвы и Петербурга. Дихотомия «Москва – Петербург» наслаивалась на взаимоотношения научно-исторических сообществ обеих столиц, создавая предпосылки для разграничения «своих» и «чужих», формировала фон для рефлексии об особенностях двух научно-исторических сообществ.

3. Младшее поколение историков Московской школы: предварительные соображения

Существование различных поколений в рамках одной школы – до сих пор слабо изученный вопрос. Как справедливо иногда замечают специалисты в области историографии, жизнь исторических школ довольно коротка – одно-два поколения исследователей⁵⁶. Но институциональным центром Московской исторической школы был историко-филологический факультет, что позволяло школе «самовоспроизводиться» в течение длительного времени. Это привело к тому, что в Московской школе можно выделить несколько поколений. Впрочем, в литературе проблема поколений московских историков отличается неопределенностью. Интересно отметить, что в рамках Петербургской исторической школы уже неоднократно выделялись разные генерации⁵⁷, что также подтверждает значение университета как институционального центра школы, позволяющего формировать несколько поколений ее представителей.

Так или иначе, но существование нескольких поколений учеников Ключевского признается многими исследователями. Так, еще П.Н. Милюков указывал на бытование в рамках Московской школы старшего и младшего поколений⁵⁸. Более того, он сам поражался, насколько следовавшие за ним студенты того же историко-филологического факультета отличаются от его поколения менталитетом⁵⁹. Схожие наблюдения на эмпирическом уровне присутствуют в работах Н.Л. Рубинштейна⁶⁰, Т. Эммонса⁶¹, Т.И. Халиной⁶². Н.Л. Рубинштейн наиболее отчетливо провел разделение учеников Ключевского на два поколения. По его мнению, к старшему поколению относились П.Н. Милюков, М.К. Любавский, Н.А. Рожков и М.М. Богословский, к младшему – Ю.В. Готье, В.И. Пичета, С.В. Бахрушин, А.А. Кизеветтер, А.И. Яковлев. К сожалению, автор не указал, по каким критериям была проведена

⁵⁶ Лантева Л.П. Владимир Иванович Ламанский // Историки России. Биографии. М., 2001. С. 271.

⁵⁷ Жуковская Т.Н. Некоторые размышления о Петербургской исторической школе // Третьи мартовские чтения памяти С.Б. Окуня: Мат-лы науч. конф. СПб., 1997. С. 10–12; Ростовцев Е.А. Указ. соч. С. 58.

⁵⁸ Трибунский П.А. «Школа Ключевского» в оценке П.Н. Милюкова // В.О. Ключевский и проблемы российской провинциальной культуры и историографии. Вып. 1. М., 2005. С. 401.

⁵⁹ Милюков П.Н. Мои университетские годы // Московский университет. Париж, 1930.

⁶⁰ Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М.; Л., 1941. С. 500–502.

⁶¹ Эммонс Т. Ключевский и его ученики // Вопросы истории. 1990. № 11. С. 46.

⁶² Халин Т.И. Михаил Михайлович Богословский // Историки России. Биографии. М., 2001. С. 426.

эта градация, что значительно снижает эвристическую ценность этих наблюдений. Современный исследователь А.Н. Шаханов выделяет сразу три поколения в Московской школе⁶³.

Разграничение учеников В.О. Ключевского прослеживается и в работах В.П. Корзун. Так, она выделяет ядро школы, куда включила П.Н. Милюкова, М.К. Любавского, М.М. Богословского, А.А. Кизеветтера и Ю.В. Готье. Кроме ядра она выделила «второй круг учеников» в составе М.Н. Покровского, А.И. Яковлева, В.И. Пичету, С.В. Бахрушина, С.К. Богоявленского, В.А. Рязановского, М.М. Карповича и Г.В. Вернадского. Очевидно, что под «вторым кругом» подразумевается младшее поколение историков Московской школы⁶⁴. Впрочем, оба специалиста ограничиваются умозрительными наблюдениями, произвольно относя одних историков к одной генерации, а других – к другой.

Е.А. Ростовцев, рассматривая типичные черты Петербургской исторической школы в ее отличии от Московской, выделил несколько поколений среди московских историков: первое и второе поколение – это Т.Н. Грановский, С.М. Соловьев, К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин, В.И. Сергеевич, В.О. Ключевский, третье – это П.Н. Милюков, А.А. Кизеветтер, М.Н. Покровский, М.М. Богословский, Ю.В. Готье, С.В. Бахрушин⁶⁵. Предложенное разделение, с нашей точки зрения, отличается крайней размытостью. Наверное, сложно говорить о существовании научной школы в 1830–1840-е гг. Это был еще период, когда индивидуальное творчество играло определяющую роль. Не случайно ни Т.Н. Грановский, ни С.М. Соловьев, ни К.Д. Кавелин и Б.Н. Чичерин не имели прямых учеников. Кроме того, в ряды этих ученых почему-то не попали историки-славянофилы, хотя они формировали лицо Московского университета не в меньшей степени, чем упомянутые Ростовцевым ученые-западники. Представляется, что Московская школа начала свое формирование во второй половине XIX в., когда обозначился переход к коллективистским формам наукотворчества и возникли потребность науки в монографическом изучении русской истории и, как следствие, потребность в кадрах, объединенных общей идеей (методологией) и изучающих множество частных проблем (что не под силу отдельному исследователю). Кроме того, в третьем поколении оказались объединены слишком разные ученые, например, М.Н. Покровский и П.Н. Милюков, что также не добавляет схеме убедительности.

В научной литературе в последнее время наблюдается повышенный интерес к проблеме поколений. По замечанию авторитетного специалиста в области социологии поколений В.В. Семеновой, в современной социологии произошел отход от биологической трактовки категории «поколение» к социокультурной. Теперь «на первое место выдвигается компонент группового своеобразия (самосознания) каждого колена – индивидов, родившихся в одно время и имеющих схожий опыт, общие интересы и взгляды»⁶⁶. В этом контексте ключевым критерием выделения генерации становится так называемый «исторический опыт» возрастной группы. Можно с уверенностью сказать, что для сообщества ученых целесообразно выделить не только «исторический опыт», безусловно, сильно влияющий (в особенности на историков), но и «научный опыт», т. е. уникальные черты научной практики. В поколениях ключевую роль играют «возрастные (поколенческие) образцы, или паттерны», которые определяются как «типичные формы социальной активности поколения»⁶⁷ и являются основой культуры поколений. По отношению к научно-историческому сообще-

⁶³ Шаханов А.Н. Русская историческая наука второй половины XIX – начала XX века. Московский и Петербургский университеты. М., 2003. С. 249.

⁶⁴ Корзун В.П. В.О. Ключевский и его ученики // Очерки истории отечественной исторической науки XX века. Омск, 2005. С. 41.

⁶⁵ Ростовцев Е.А. Указ. соч. С. 57.

⁶⁶ Семенова В. Социальная динамика поколений: проблема и реальность. М., 2009. С. 7.

⁶⁷ Там же. С. 21.

ству такими паттернами следует признать как социально-политические стратегии поведения, так и образцы решения научных вопросов, принятые в генерации.

Между тем, учитывая все выше сказанное, для демаркации генераций в исторической науке, кроме конкретно-исторического подхода, можно предложить следующие критерии: 1) изменение методологии, а в случае школ уместнее говорить о методике исторического исследования; 2) трансформация социально-политической обстановки, в которой растут молодые исследователи, что, в свою очередь, может скорректировать тематику научной работы; 3) переход старших коллег от роли учеников к роли учителей, что способствует кристаллизации тех новшеств, которые были ими внесены в историографическую традицию; 4) самосознание младшего поколения, осмысление своей, с одной стороны, зависимости от мэтров школы, а с другой – понимание особых черт в своем научном творчестве; 5) коммуникативные характеристики, заключающиеся в предпочтении круга общения, поскольку замечено, что историки одного поколения и схожих взглядов более тесно сотрудничают друг с другом; 6) внешние по отношению к имманентному развитию школьных традиций факторы (например, влияние других школ или отдельных личностей, научных парадигм и т. д.), которые также приводят к формированию особых черт нового поколения. Совокупность этих критериев, по нашему мнению, позволяет говорить о принадлежности ученого к тому или другому поколению.

Большинство указанных критериев невозможно проверить в одной главе из-за слабой изученности младшего поколения московских историков (это будет сделано, по возможности, далее). Но одно позволит выделить представителей младшего поколения, сформировав тем самым предмет исследования. Таким критерием является факт ученичества у более старших коллег. По нашему мнению, к старшему поколению можно отнести историков, писавших свои диссертации непосредственно у Ключевского, а к младшему – тех, кто учился не только (да и не столько) у Ключевского, сколько уже у его учеников. Именно они и стали представителями нового поколения московских исследователей. К ним следует отнести Ю.В. Готье, который занимал связующее положение между старшим и младшим поколениями, а также С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева и С.В. Бахрушина. Научная деятельность этих историков позволяет наглядно проследить эволюцию и трансформацию Московской исторической школы. Казалось, было бы естественно включить в этот круг и такого выдающегося ученого, как В.И. Пичета, окончившего Московский университет в 1901 г., но его творчество представляется скорее сплавом московской и киевской традиции и является слишком специфическим, чтобы рассматривать его в рамках данной работы. Своеобразную архивоведческую направленность приобрело творчество и другого представителя этого поколения – С.К. Богоявленского. Тем не менее стоит отметить, что многие черты, присущие выделенным в качестве объекта исследования ученым, были свойственны и В.И. Пичете, и С.К. Богоявленскому.

4. Литература о жизни и творчестве Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева и С.В. Бахрушина

В отечественной историографической литературе до сих пор отсутствуют работы, в которых творчество Готье, Веселовского, Яковлева и Бахрушина рассматривалось как нечто цельное. И все же анализу их жизни и научной деятельности посвящен внушительный комплекс работ. Условно этот массив литературы можно разделить на несколько частей: 1) учебники и учебные пособия, а также обобщающие труды по истории исторической науки; 2) работы, в которых указанные историки рассмотрены в рамках крупных историографических проблем; 3) монографии и статьи, освещающие индивидуальное творчество.

Первый пласт литературы, благодаря своей распространенности, заслуживает особого внимания. Пособия, в силу относительно невысокого количества историографических работ, также должны активно использоваться в историографических исследованиях. Первой в этом ряду стоит известная работа Н.Л. Рубинштейна «Русская историография». Автор рассматривает Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева и С.В. Бахрушина как составную часть «школы Ключевского». Готье, Бахрушина и Яковлева он причисляет к «младшим представителям» этой школы, у которых «экономическая проблематика выступает отчетливее [чем у их старших коллег. – *В.Т.*] и еще более приближает их работы к современности»⁶⁸. В целом, их творчество было оценено как эволюция Московской школы. Отдельно анализируется Веселовский, которого автор причисляет к историко-юридическому направлению. Он отмечает блестящее знание Веселовским актового материала, но при этом пишет: «Все его [Веселовского. – *В.Т.*] попытки перейти к реальной интерпретации исторических явлений остаются в рамках основной историко-юридической концепции, обращены к крайним положениям исторической схемы Ключевского»⁶⁹. Таким образом, Веселовский все-таки рассматривался в рамках «школы Ключевского», которого Рубинштейн также считал синтезатором исторического экономизма и наследия историко-юридической школы. В данном случае видимая разница оценок объясняется тем, что Ключевского нередко относили (и относят) к государственной школе, в то время как многие (в том числе и автор этой работы) историографы считают, что Ключевский сумел выйти за рамки государственной школы.

Немало внимания уделено Ю.В. Готье, С.Б. Веселовскому, А.И. Яковлеву и С.В. Бахрушину в фундаментальных «Очерках истории исторической науки в СССР». В них творчество историков также не рассматривается как целостный феномен, но автор раздела об исторической науке начала XX в. Л.В. Черепнин указал, что «из „школы“ Ключевского вышел ряд историков, которые впоследствии отдали свои знания делу развития советской исторической науки (Ю.В. Готье, В.И. Пичета, С.В. Бахрушин, А.И. Яковлев и др.)»⁷⁰. Данное издание представляет интерес благодаря оценкам (впрочем, нередко устаревшим) отдельных работ ученых. На высоком историографическом уровне Л.В. Даниловой написан раздел, касающийся изучению феодализма в V томе «Очерков...». Анализ работ Готье, Бахрушина и Яковлева, проделанный исследовательницей, до сих пор не потерял своего значения⁷¹.

Деятельность исследуемых ученых затрагивалась и в известном пособии по историографии под редакцией В.Е. Иллерицкого и А.И. Кудрявцева. Один из авторов, И.К. Додонов, отметил «известное влияние воззрений Ключевского» на Ю.В. Готье и С.В. Бахрушина⁷². Большое количество оценок отдельных работ Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева и С.В. Бахрушина можно найти и в учебнике под редакцией И.И. Минца⁷³. Характерной чертой данных учебных пособий, кроме их, безусловно, положительного значения для развития и пропаганды историографии в тех конкретных условиях, являлись идеологическая заданность, априорное осуждение наследия «буржуазной» исторической науки, что наложило свой отпечаток на оценку работ представителей Московской исторической школы.

Во многом в рамках советской историографической традиции было написано учебное пособие А.Л. Шапиро⁷⁴. Тем не менее данная работа отличается стремлением к объективистскому подходу и содержит ряд очень ценных наблюдений и замечаний касательно пред-

⁶⁸ Рубинштейн Н.Л. Указ. соч. С. 500.

⁶⁹ Там же. С. 513.

⁷⁰ Очерки истории исторической науки в СССР (далее – ОИИН). Т. III. С. 317.

⁷¹ Данилова Л.В. Изучение истории средневековой России // ОИИН. Т. V. С. 110–187.

⁷² Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / Под ред. В.Е. Иллерицкого, А.И. Кудрявцева. М., 1961. С. 316.

⁷³ Историография истории СССР. Эпоха социализма / Под ред. И.И. Минца. М., 1982.

⁷⁴ Шапиро А.Л. Историография с древнейших времен до 1917 года. СПб.; Тверь, 1993.

ставителей младшего поколения московских историков. К категории обобщающих трудов относится и известная книга русско-американского историка Г.В. Вернадского⁷⁵, впервые опубликованная в России в 1998 г. В ней даны краткие очерки жизни и деятельности большинства наиболее заметных историков России. Большим недостатком работы является то, что Вернадский писал ее в эмиграции, будучи удаленным от необходимых ему источников, многие вещи он записывал по памяти, что привело к множеству ошибок. Интересующие нас историки расположены в издании под рубрикой «Ученики Ключевского».

Заслуживает внимание и пособие С.П. Бычкова и В.П. Корзун, где отдельная глава отведена теме «В.О. Ключевский и его ученики»⁷⁶. Продолжение эта проблема нашла в коллективной монографии «Очерки истории отечественной исторической науки XX века», где В.П. Корзун также высказывается по вопросу поколений в Московской исторической школе⁷⁷ (см. с. 000 данного издания).

Вторым комплексом литературы являются монографии, посвященные тем или иным проблемам развития отечественной исторической науки, где затрагивается научное наследие изучаемых историков.

Хронологически первой в этом ряду можно поставить монографию Г.Д. Бурдея, освещавшую развитие советской исторической науки в годы Великой Отечественной войны⁷⁸. Монография насыщена конкретным материалом, позволившем автору поставить ряд важных и новых вопросов для того времени. В книге подробно разобрана организация научно-исторических институтов в годы войны, а одна из глав посвящена проблеме влияния Сталина на советскую историографию. На стыке исследования, публицистики и мемуаров написана книга известного историка В.Б. Кобрин⁷⁹. Особый интерес в ней представляют воспоминания о многих выдающихся историках.

На высоком историографическом уровне написана уже упоминавшаяся монография А.Н. Шаханова «Русская историческая наука второй половины XIX – начала XX в. Московский и Петербургский университеты». Несмотря на то что она большей частью касается более ранних периодов развития отечественной исторической науки, в ней немало верных общих замечаний и конкретных наблюдений касательно и младшего поколения Московской школы. Он заметил, что «младшему поколению учеников Ключевского... принадлежит приоритет в широкой постановке вопросов социально-экономической истории XVII в.»⁸⁰.

Большой интерес представляет монография Т.И. Хорхординой, посвященная развитию архивоведческой мысли в России⁸¹. В ней большое внимание уделено анализу взглядов Ю.В. Готье и С.Б. Веселовского на отечественное архивное дело. В монографии А.М. Дубровского затрагивается важная проблема для развития исторической науки 1920–1950-х гг. – взаимоотношение историков-профессионалов и властвующих структур⁸². Беспристрастный анализ отечественной историографии, посвященной изучению феодальных аграрных отношений, можно найти в нарочито объективистски написанной книге Н.А. Горской⁸³. Автор воздержалась от обобщающих оценок, но конкретный разбор научной литературы в большинстве

⁷⁵ Вернадский Г.В. Русская историография. М., 2003.

⁷⁶ Бычков С.П., Корзун В.П. Введение в отечественную историографию XX века. Омск, 2001. С. 77–96.

⁷⁷ Корзун В.П. В.О. Ключевский и его ученики // Очерки истории отечественной исторической науки XX века. Омск, 2005. С. 41.

⁷⁸ Бурдей Г.Д. Историк и война. Самара, 1991.

⁷⁹ Кобрин В.Б. Кому ты опасен, историк? М., 1992.

⁸⁰ Шаханов А.Н. Указ. соч. С. 219.

⁸¹ Хорхордина Т.И. Российская наука об архивах. История. Теория. Люди. М., 2003.

⁸² Дубровский А.М. Историк и власть. Историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск, 2005.

⁸³ Горская Н.А. Русская феодальная деревня в историографии XX века. М., 2006.

случаев представляется сделанным на высоком уровне и адекватным реальности. Заметным событием стала публикация исследования Л.А. Сидоровой о взаимоотношении в середине XX в. трех поколений историков. Ученики Ключевского были отнесены к «старшему поколению»⁸⁴.

Важнейшей частью историографии темы являются исследования, освещающие индивидуальную жизнь и научную деятельность историков. Рассмотрение ее стоит начать с работ о самом старшем из указанных ученых, Ю.В. Готье. Жизни и творчеству Ю.В. Готье посвящена довольно обширная литература. Колоссальное значение в изучении научной биографии историка принадлежит до сих пор единственной библиографии (конечно же, неполной) трудов ученого, составленной Н.М. Асафовой при участии самого Готье⁸⁵.

Отправной точкой изучения наследия академика стал вечер памяти, прошедший в Отделении истории и философии АН СССР 28 марта 1944 г. На нем выступили с докладами С.В. Бахрушин, С.К. Богоявленский, Б.А. Рыбаков и В.П. Любимов⁸⁶. Выступления Бахрушина и Богоявленского стали основами их последующих статей о Готье.

Первая серия публикаций, освещавших научную биографию ученого, вышла после его смерти. Уже эти работы, в которых рассматривались различные аспекты деятельности Ю.В. Готье, были ориентированы на серьезный анализ научного наследия академика⁸⁷.

В своей статье С.В. Бахрушин, друг и коллега покойного, писал, что «Ю. В. Готье являлся живым звеном между прошлым и настоящим русской исторической науки, между лучшими традициями этого прошлого и новыми научными достижениями советских историков»⁸⁸. Автор смело относит Готье к представителям «школы Ключевского», отмечая его большое влияние на Готье. «Ученик и последователь В. О. Ключевского, Ю.В. Готье воспринял от своего учителя все самые сильные стороны его исследовательского метода: строго критический подход к источникам и тщательную их разработку, исчерпывающую документацию, детальное изучение фактов»⁸⁹. Автор отмечает устойчивость методики исторического исследования, присущей Готье. Следование научной традиции, по мнению Бахрушина, позволило ученому оставить след в самых различных сферах исторического знания⁹⁰.

Другой автор, не менее близко знавший Готье, чем Бахрушин, В.И. Пичета, также отмечал широту научного поиска историка⁹¹. Он заметил, что тематика работ Готье определялась «общим состоянием русской исторической науки»⁹², тем самым указывая на актуальность его научного творчества и оправдывая недостатки трудов Готье. По мнению Пичеты, «Ю.В. Готье должен был стать в ряды тех исследователей, которые ушли от традиций историко-юридической школы и сосредоточили свое внимание на изучении вопросов экономического быта»⁹³. В этой связи особое место в творчестве ученого занимала монография «Замос-

⁸⁴ Сидорова Л.А. Советская историческая наука середины XX века. Синтез трех поколений. М., 2008.

⁸⁵ Асафова Н.М. Ю.В. Готье: Мат-лы к библиографии ученых СССР. Серия: История. Вып. 1. М., 1941.

⁸⁶ АРАН. Ф. 457. Оп. 1-а (1944). Ед. хр. 36.

⁸⁷ Бахрушин С.В. Ю.В. Готье // Исторический журнал. 1944. № 2–3. С. 74–79; Богоявленский С.К. Академик Ю.В. Готье // Известия. АН СССР. Сер.: История и философия. 1944. Т. 1, № 3. С. 109–115; Пичета В.И. Академик Ю.В. Готье // Вестник АН СССР. 1944. № 3. С. 123–126; Он же. Академик Ю.В. Готье // Исторические записки. М., 1945. Кн. 15. С. 301–314; Он же. Труды Ю.В. Готье по истории Литвы // Московский государственный университет: Доклады и сообщения исторического факультета. М., 1945. Вып. 1. С. 17–20; Арциховский А.В. Ю.В. Готье как археолог // Там же. С. 21–24; Новицкий Г.А. Академик Ю.В. Готье // Там же. С. 13–17; Юрий Владимирович Готье (1873–1943) // Вестник древней истории. 1946. № 1. С. 215; Рубинштейн Н.Л. Памяти академика Ю.В. Готье // Ученые записки МГУ. 1946. Вып. 87. С. 156–160.

⁸⁸ Бахрушин С.В. Ю.В. Готье... С. 74.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же. С. 77.

⁹¹ Пичета В.И. Академик Ю.В. Готье... С. 303.

⁹² Там же.

⁹³ Там же. С. 304.

ковный край в XVII веке», в которой, впрочем, по мысли Пичеты, «материал дается в отрыве от глубоких социальных процессов, от острой классовой борьбы»⁹⁴.

Серия статей о жизни и творчестве Готье была помещена в сборник «Московский государственный университет. Доклады и сообщения исторического факультета». Здесь авторы касались самых различных сторон деятельности историка. Так, Пичета рассмотрел его работы по истории Русско-Литовского государства⁹⁵. А.В. Арциховский проанализировал вклад ученого в археологию, отметив, что «одной из главных научных заслуг академика Ю.В. Готье является объединение истории и археологии»⁹⁶.

Большой интерес, в силу глубины историографического анализа научного наследия Готье, представляет статья Н.Л. Рубинштейна⁹⁷. Он отметил сильное влияние на историка не только его непосредственного учителя В.О. Ключевского, но и П.Г. Виноградова. По словам Рубинштейна, работы Готье, несмотря на широту тематики, были написаны на самом высоком уровне. Автор выделил три характерные черты научного творчества Готье: 1) «мобилизация новых источников и предельная интенсивность их использования»; 2) «конкретность исследования, достигаемая путем внешнего ограничения объектов изучения»; 3) «указанная конкретность исторического изучения при первом, поверхностном знакомстве с работой историка иногда воспринимается как господство факта, частного, отказ от обобщения. В действительности, служа предельной интенсивности изучения материала, она, напротив, соединяется с большой полнотой и широтой научного обобщения»⁹⁸. В заключении Рубинштейн написал, что Готье как историк была свойственна социальная направленность исторического исследования.

В 1973 г. в связи со 100-летием со дня рождения историка в МГУ им. М.В. Ломоносова была проведена конференция⁹⁹, участники которой (Б.А. Рыбаков, П.А. Зайончковский, Ю.А. Поляков и др.) отметили весомый вклад Готье в развитие отечественной исторической науки. Тогда же, в связи с юбилеем, в печати появились статьи Т.А. Смелой и В.В. Галахова о научно-общественной деятельности ученого, а также сообщение С.Б. Филимонова об обнаруженных в отделе рукописей РГБ тезисах доклада академика «Историческое значение Московской губернии и задачи ее изучения» (от 1 мая 1925 г.)¹⁰⁰.

Новый всплеск интереса к Готье пришелся на 1990–2000-е гг. в связи с общим интересом к историкам «старой школы» и их роли в отечественной историографии¹⁰¹. М.В. Мандрик в своей статье¹⁰² указала на тесную связь творчества ученого с научным наследием его учителя Л.В. Ключевского. «Но в то же время историк Ю.В. Готье всегда шел своим путем»¹⁰³.

⁹⁴ Там же. С. 304–305.

⁹⁵ Пичета В.И. Труды Ю.В. Готье по истории Литвы // Московский государственный университет. Доклады и сообщения исторического факультета. М., 1945. Вып. 1. С. 17–20.

⁹⁶ Арциховский А.В. Ю.В. Готье как археолог... С. 21.

⁹⁷ Рубинштейн Н.Л. Памяти академика Ю.В. Готье // Ученые записки МГУ. 1946. Вып. 87. С. 156–160.

⁹⁸ Там же. С. 157–159.

⁹⁹ Борисов Н.С. Столетие Ю.В. Готье // История СССР. 1975. № 4. С. 231–232.

¹⁰⁰ Смелая Т.А. Академик Ю.В. Готье (к 100-летию со дня рождения) // Советские архивы. 1973. № 4. С. 42–45; Галахов В.В. Историографические материалы в фондах академика Ю.В. Готье // Археографический ежегодник за 1973 год. М., 1974. С. 236–237; Филимонов С.Б. Рукопись Ю.В. Готье // Советские архивы. 1973. № 4. С. 102.

¹⁰¹ Emelianov J.N. Gotie Juri Vladimirovich // Great Historians of the Modern Age. An international dictionary. N. Y.; London, 1991; Он же: Ю.В. Готье // Историки России. Биографии. М., 2001. С. 516–523; Мандрик М.В. К 125-летию со дня рождения историка Ю.В. Готье // Клио. 1998. № 1. С. 248–263; Она же. Ю.В. Готье // Ежегодник Северо-Западной академии государственной службы. СПб., 1999; Она же. «Я не марксист и за марксиста себя не выдаю»: историк Ю.В. Готье и «Академическое дело» // Исследования по русской истории: Сб. ст. к 65-летию И.Я. Фроянова. СПб.; Ижевск, 2001. С. 327–356.

¹⁰² Мандрик М.В. К 125-летию со дня рождения историка Ю.В. Готье... С. 248–263

¹⁰³ Там же. С. 248.

Автор разделяет научную жизнь историка на два этапа: с начала XX в. до 1930 г. и с 1934 по 1943 г.¹⁰⁴ Кроме того, в работе есть много ценных фактов и отдельных замечаний. В своей другой работе М.В. Мандрик осветила факт репрессий по отношению к Готье в ходе так называемого «Академического дела»¹⁰⁵. Рассмотрев на основе архивных документов все перипетии хода дела, исследователь пришла к выводу, что его последствия были катастрофическими для дальнейшего творчества ученого: «Готье после освобождения не приступил ни к одному крупному исследованию. Его творческая инициатива была подавлена»¹⁰⁶. В статье Л.Г. Соболева были проанализированы дневниковые записи историка как источник по настроениям российской интеллигенции в 1917 г.¹⁰⁷ Завершить обзор можно статьей Ю.Н. Емельянова, который, осветив основные вехи жизни историка, подчеркнул его принадлежность к Московской школе Ключевского¹⁰⁸.

Итак, подводя итоги историографическому обзору работ, посвященных жизни и научному наследию Готье, отметим, что общим местом является отнесение этого ученого к Московской школе или «школе Ключевского». В указанных исследованиях можно найти множество верных оценок, важных фактов, тем не менее многие стороны деятельности ученого остаются неосвещенными, его научная биография не вписана в контекст эволюции Московской исторической школы. Более того, до сих пор отсутствует обобщающая работа, посвященная выдающемуся ученому.

Историографическая традиция изучения наследия Веселовского отличается определенными перекосами и непоследовательностью, о чем свидетельствует и отсутствие крупных работ об ученом. Долгое время об историке, умершем в 1952 г., не публиковалось исследований. Очевидно, это было связано с той напряженной ситуацией, которая сложилась вокруг ученого после публикации его книги «Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси»¹⁰⁹. В печати после его смерти появился лишь один некролог¹¹⁰. Спустя некоторое время такое положение начало меняться. Первоначально повышенный интерес вызвало неопубликованное наследие историка. Первые работы о нем носили архивоведческий и археографический характер. В них звучал призыв организовать планомерную публикацию документального наследия С. Веселовского¹¹¹.

Начало следующего этапа в изучении творчества историка совпало со столетием со дня его рождения в 1976 г. В тезисах и статье В.Д. Назарова анализировалась концепция эволюции феодального землевладения Веселовского¹¹². Автор относил его к государственно-правовой школе на ее позднем этапе развития¹¹³. Он также отметил, что «обще-

¹⁰⁴ Там же. С. 249.

¹⁰⁵ Мандрик М.В. «Я не марксист и за марксиста себя не выдаю»: историк Ю.В. Готье и «Академическое дело»...

¹⁰⁶ Там же. С. 350.

¹⁰⁷ Соболев Л.Г. Дневник Ю.В. Готье как источник о настроениях российской интеллигенции в 1917 г. // История и революция. СПб., 1999. С. 184–188.

¹⁰⁸ Емельянов Ю.Н. Ю.В. Готье... С. 516, 519.

¹⁰⁹ Веселовский С.Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. 1. М.; Л., 1947.

¹¹⁰ Академик С.Б. Веселовский [Некролог] // Известия АН СССР. Сер. истории и философии. 1952. Т.9, № 1. С. 50.

¹¹¹ Левишин Б.В. Издание трудов академика С.Б. Веселовского // История СССР. 1958. № 5. С. 250; Он же. Обзор документальных материалов фонда академика С.Б. Веселовского // АЕ. 1958. М., 1960. С. 257–266; Он же. Библиография трудов С.Б. Веселовского // АЕ. 1968. М., 1970. С. 401–404; Дубинская Л.Г. Издание научного наследия С.Б. Веселовского // АЕ. 1976. М., 1977. С. 315–316.

¹¹² Назаров В.Д. Историографические и источниковедческие итоги изучения феодального землевладения академика С.Б. Веселовского // XXV съезд КПСС и задачи историков-аграрников: XVI сессия симпозиума по изучению проблем аграрной истории: Тезисы докладов и сообщений. (Кишнев, 29 сентября – 2 октября 1976 г.). М., 1976. С. 201–205; Он же. Проблемы феодального землевладения в трудах академика С.Б. Веселовского // Советская историография аграрной истории СССР (до 1917 г.). Кишнев, 1978. С. 212–230.

¹¹³ Назаров В.Д. Проблемы феодального землевладения в трудах академика С.Б. Веселовского... С. 217.

исторические взгляды С.Б. Веселовского нередко противоречивы и непоследовательны»¹¹⁴. Кроме всего прочего, важной чертой исследовательского почерка ученого В.Д. Назаров называет и «стремление... проникнуть в мысли и чувства людей далекого прошлого», т. е. историко-антропологическую направленность его творчества. В целом автор охарактеризовал Веселовского как крупнейшего знатока русского средневековья, который, впрочем, не смог воспринять марксистский подход в истории.

В 1977 г. вышел сборник статей в честь ученого¹¹⁵. В нем особого внимания заслуживают две первые статьи, написанные Л.В. Черепниным и М.Е. Бычковой. В статье Черепнина, который лично знал С. Веселовского, тесно переплелись личные воспоминания автора и тонкий анализ историографического наследия ученого¹¹⁶. Статья Черепнина являлась первой работой, в которой был хотя бы кратко показан весь творческий путь Веселовского. Многие мысли автора сохранили свою актуальность и для современных историографов. Значительный интерес представляет и статья М. Бычковой, анализировавшей генеалогические штудии историка¹¹⁷. По ее словам, Веселовский «возродил генеалогическое исследование в советской исторической науке»¹¹⁸. Особенно подчеркивалось то, что историк в своих работах продемонстрировал широкие возможности использования генеалогической информации в исторических исследованиях¹¹⁹.

Заметным событием стала публикация небольшой монографии В.Б. Кобрин и К.А. Аверьянова, посвященной жизни и научной деятельности Веселовского¹²⁰. Авторы значительное внимание уделили рассмотрению техники исторического исследования историка, его взглядов на задачи исторической науки, проанализировали конкретно-исторические работы. Большим плюсом издания стало то, что в качестве приложения была опубликована библиография трудов С. Веселовского и трудов о нем.

На современном этапе изучения научной биографии ученого стоит отметить попытки по-новому взглянуть на его творчество, чему во многом способствовала публикация ранее неизвестных дневников историка¹²¹. Так, в статье публикатора дневников, А.Л. Юрганова, автор пытается рассмотреть жизнь Веселовского как психологическую драму ученого и человека¹²². Продолжает эту линию статья Н. Северной, привлечшей к анализу дневников наработки современной психологии¹²³. Большим подспорьем в анализе жизни ученого стала публикация его переписки. Автор вводной статьи и один из публикаторов А.М. Дубровский во введении утверждал, что С. Веселовский был из тех историков, которые не принадлежали ни к какой школе, являясь самодостаточной фигурой¹²⁴. Последней крупной работой, посвященной обзору всего творческого пути историка, стала статья Д. Спорова и С. Шока-

¹¹⁴ Там же. С. 218.

¹¹⁵ *История и генеалогия*. С.Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М., 1977.

¹¹⁶ *Черепнин Л.В.* Степан Борисович Веселовский (творческий путь) // *История и генеалогия...* С. 9–41.

¹¹⁷ *Бычкова М.Е.* Степан Борисович Веселовский – генеалог // Там же. С. 42–56.

¹¹⁸ Там же. С. 42.

¹¹⁹ Там же. С. 56.

¹²⁰ *Кобрин В.Б., Аверьянов К.А.* С.Б. Веселовский. Жизнь. Деятельность. Личность. М., 1989.

¹²¹ *С.Б. Веселовский*. Дневники 1915–1923, 1944 г. // *Вопросы истории*. 2000. № 2, 3, 6, 8–12; 2001. № 2.

¹²² *Юрганов Ю.Л.* «Все это ушло далеко в вечность»: Дневник и жизнь С.Б. Веселовского // URL: <http://if.russ.ru/issue/7/20011129-urgan.html>.

¹²³ *Северная Н.* Веселовский Степан Борисович или эмигрант по призванию // URL: http://www.wplanet.ru/text_print.php?id=4347.

¹²⁴ *Дубровский А.М.* Ученый и его наука в письмах // *Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками*. М., 1998. С. 8.

рева¹²⁵. Авторы рассмотрели деятельность Веселовского через призму его взаимодействия с властью, отметив его последовательный антимакиавизм.

На фоне Готье и Веселовского достаточно скудной представляется история изучения творчества А.И. Яковлева. Нельзя сказать, что научное наследие ученого было обойдено вниманием исследователей. Тем не менее посвященные ему работы, как правило, представляют собой либо краткие очерки его жизни, либо касаются отдельных аспектов деятельности. Обобщающего исследования об этом выдающемся историке до сих пор нет.

Первым в этом ряду стоит статья В.Н. Бочкарева, ставшая первой работой, где рассматривался творческий путь историка, его место в отечественной историографии. Автор безапелляционно относит Яковлева к «исторической школе Ключевского». Он высоко оценивает исследовательскую и археографическую деятельность историка, обходя трудные моменты его карьеры¹²⁶. После этой статьи историографическое осмысление наследия Яковлева надолго прервалось. Возвращение интереса к А.И. Яковлеву носило архивоведческий и археографический характер¹²⁷. Всплеск внимания к историку наблюдается в 1990–2000-е гг. В контексте изучения истории чувашской интеллигенции исследовали творчество Яковлева Н.Г. Краснов¹²⁸ и Г.А. Александров¹²⁹. Г.А. Александров в 2003 г. опубликовал в «Вопросах истории» статью, посвященную непосредственно А. Яковлеву¹³⁰. К сожалению, кроме новых ценных фактических данных, вводимых автором в научный оборот впервые, статья грешит очевидными заимствованиями из старой работы В.Н. Бочкарева и, более того, иногда откровенным плагиатом. Последней заметной работой о Яковлеве стала статья В.Т. Клапиюка о преподавании ученого в библиотечном институте¹³¹. Характерной чертой историографии, посвященной А. Яковлеву, является практическое отсутствие попыток вписать его творчество в контекст развития отечественной исторической науки. Наиболее обширная историография посвящена С.В. Бахрушину. Это объясняется не только масштабом ученого и его заслугами перед исторической наукой, но и тем, что Бахрушин единственный из перечисленных ученых сумел «вписаться» в советскую историческую науку, став ее признанным классиком.

Первый этап изучения наследия ученого связан, как это часто случается, с откликами на его смерть. В некрологах единодушно указывалось на его неоценимый вклад в историческую науку¹³². С. Токаревым была высказана мысль, что С. Бахрушину «больше, чем кому-либо из историков, советская наука обязана тем сближением между историей и этнографией, которое так благотворно сказалось на развитии обеих отраслей знания»¹³³. Серьезные

¹²⁵ Споров Д., Шокарев С. Историк Московского государства в Сталинской России: К биографии С.Б. Веселовского (1876–1952) // URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/78/spob.html>.

¹²⁶ Бочкарев В.Н. Алексей Иванович Яковлев // Записки Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. 1952. № 15. С. 101–120.

¹²⁷ Душинов С.М. К истории отечественной археографии (издания, подготовленные А.И. Яковлевым) // Археографический ежегодник. 1976. М., 1977. С. 111–120; Он же. Личные фонд А.И. Яковлева в Архиве АН СССР // Советские архивы. 1981. № 5. С. 48–52.

¹²⁸ Краснов Н.Г. Иван Яковлев и его потомки. Чебоксары, 1998. С. 300–311.

¹²⁹ Александров Г.А. Историк А.И. Яковлев // Александров Г.А. Чувашские интеллигенты. Биографии и судьбы. Чебоксары, 2002. С. 172–201; Он же. Прекрасный работник для русской науки и школы // Ученые: Иллюстр. изд.: В 4 т. Чебоксары, 2006.

¹³⁰ Александров Г.А. Алексей Иванович Яковлев – историк, археограф, педагог // Вопросы истории. 2003. № 8. С. 151–158.

¹³¹ Клапиюк В. Т. А. И. Яковлев – историк, педагог, библиотекарь, библиограф: (К 60-летию великой победы и 75-летию МГУКИ) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусства. 2005. № 2. С. 144–150.

¹³² Исторические работы С.В. Бахрушина // Вопросы истории. 1950. № 6; С.В. Бахрушин [Некролог] // Вопросы истории. 1950. № 3. С. 157–159; С.В. Бахрушин: [Некролог] // Вопросы географии. Сб. 20: Историческая география СССР. М., 1950. С. 5–9; Сергей Владимирович Бахрушин // Преподавание истории в школе. 1950. № 2. С. 92–93.

¹³³ Токарев С. С.В. Бахрушин: [Некролог] // Советская этнография. 1950. № 2. С. 222–223.

аналитические работы появились спустя некоторое время после смерти историка. В начавшемся тогда публиковаться собрании сочинений историка вступительную статью написал В.И. Шунков¹³⁴. В ней автор также указывал на огромное значение Бахрушина для развития советской историографии. Им же были рассмотрены взгляды Бахрушина на историю Сибири¹³⁵. По его мнению, работы ученого по истории этого региона отличались в основном: «новой постановкой вопроса о характере русской колонизации и выяснением роли в ней торгово-промышленного населения, настойчивой разработкой истории отдельных народов Сибири и постановкой вопроса о характере их социально-экономического строя, введением в научный оборот огромного свежего конкретно-исторического материала, крупным вкладом в развитие источниковедения и историографии Сибири, деятельностью по подготовке новых научных кадров-историков Сибири и популяризации сведений по истории Сибири»¹³⁶. Особого внимания заслуживает статья А.И. Андреева, посвященная разбору исследований С. Бахрушина о Сибири¹³⁷. Он подчеркнул, что труды Бахрушина дали мощный импульс развитию изучения Сибири во всех ее аспектах. Также высоко оценил деятельность покойного ученого и Б.Б. Кафенгауз¹³⁸. В работе А.А. Зимина, вышедшего из творческой лаборатории маститого ученого, отмечается, что в начале своего творческого пути историк вел исследования с позиций школы Ключевского и лишь затем начал переходить на марксистские позиции¹³⁹. Указал он и на новаторство ученого в решении многих исторических проблем. Стоит отметить, что на данном этапе изучения творчества Бахрушина сложно было сделать всестороннюю и адекватную оценку его места в исторической науке, требовалось комплексное изучение его наследия, в том числе и неопубликованного.

Именно такая задача встала перед последующими исследователями его творчества. Большое значение в этом сыграли Чтения памяти С.В. Бахрушина, проводившиеся с 1966 г. В первом сборнике этих чтений была опубликована совместная статья А.П. Окладникова и А.Н. Копылова, где ими анализировалось изучение историком Сибири. По их словам, в последних работах «С.В. Бахрушин выступает как историк-марксист, как убежденный и страстный сторонник той концепции исторического процесса в Сибири, которая противоположна взглядам старой буржуазной и дворянской науки»¹⁴⁰. Впрочем, подобная идеологизированная оценка была необходимой составляющей для санкции на дальнейшее изучение научной биографии ученого. В 1973 г. вышла в свет статья А.Д. Колесникова, впервые анализирующая такую важную составляющую концепции историка, как историю колонизации¹⁴¹.

Повышенным интересом к личности и трудам С. Бахрушина характеризуется конец 1970-х – начало 1980-х гг., что было вызвано не только снятием некоторых табу в изучении историков «старой школы», но и простимулировано 100-летним юбилеем в 1982 г. со дня рождения выдающегося ученого. Большой вклад в изучение научной биографии Бахрушина внес до сих пор крупнейший специалист в данном вопросе А.М. Дубровский.

¹³⁴ Шунков В.И. Сергей Владимирович Бахрушин // С.В. Бахрушин. Научные труды: В т. I. М., 1952. С. 5–8.

¹³⁵ Он же. Труды С.В. Бахрушина по истории Сибири // С.В. Бахрушин. Научные труды. Т. III. Ч. 1. М., 1955. С. 5–12.

¹³⁶ Там же. С. 12.

¹³⁷ Андреев А.И. С.В. Бахрушин – историк Сибири // Ученые записки Ленинградского государственного университета. 157. Факультет народов Севера. Вып. 2. Л., 1953. С. 246–254.

¹³⁸ Кафенгауз Б.Б. С.В. Бахрушин // Ученые записки МГУ. Вып. 156. М., 1952. С. 258–262.

¹³⁹ Зимин А.А. Творческий путь Сергея Владимировича Бахрушина // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. М., 1961. № 2. С. 117–127.

¹⁴⁰ Окладников А.П., Копылов А.Н. С.В. Бахрушин как историк Сибири // Бахрушинские чтения – 1966. Вып. 1. Новосибирск, 1968.

¹⁴¹ Колесников А.Д. С.В. Бахрушин о формах колонизации // Вопросы истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1973.

В 1978 г., предварительно опубликовав ряд исследований¹⁴², он защитил кандидатскую диссертацию¹⁴³. Данную работу отличало введение в научный оборот ранее неопубликованных источников. В ней деятельность историка была разделена на три этапа. Первый этап продолжался до Октябрьской революции и характеризовался в политическом плане тяготением к позициям «буржуазного либерализма», а в научном смысле – к «буржуазному экономизму». Особое влияние на начинающего историка, по мнению Дубровского, оказали В.О. Ключевский, П.Н. Милюков и Н.П. Павлов-Сильванский¹⁴⁴. Следующий этап был связан, по словам автора, с постепенным принятием Бахрушиным исторического материализма. Третий начался с «победы социализма» или, в историографическом плане, с известных постановлений о преподавании истории в школе 1934 г.¹⁴⁵ Подводя итоги исследованию, автор утверждал, что «С.В. Бахрушину принадлежит крупнейший... вклад в изучение торгово-промышленной деятельности русского населения»¹⁴⁶. В дальнейшем Дубровский продолжил разработку данной темы, освещая отдельные темы творчества знаменитого историка¹⁴⁷.

Заметным событием в изучении творчества Бахрушина стала публикация небольшой монографии М.Б. Шейнфельда¹⁴⁸. Во введении он вынужден был признать, что предыдущие работы об ученом страдали некоторой тенденциозностью: «Первые опыты марксистской критики, хотя правильно устанавливали буржуазные исходные позиции историка, не лишены были упрощенчества и одностороннего подхода»¹⁴⁹. Шейнфельд постарался дать более взвешенную оценку жизни и деятельности историка, в том числе и благодаря введению в научный оборот архивных источников. Так, отдельные недостатки работ ученого он объяснял не только наследием «буржуазной науки», но и общим состоянием советской исторической науки¹⁵⁰. Тем не менее автор также придерживается уже ставшей традиционной концепции эволюции Бахрушина от традиций дореволюционной исторической науки к стандартам советской историографии: «Деятельность Бахрушина началась как историка буржуазного направления, но по основным итогам научного творчества... он принадлежит марксистской историографии»¹⁵¹. Шейнфельд принял точку зрения, по которой в деятельности историка можно выделить три этапа. В своей книге автор проследил взгляды Бахрушина на основные проблемы сибиреведения. Отдельная глава касалась литературной составляющей работ историка, идущей от традиций Ключевского¹⁵².

Интерес к Бахрушину как историку Сибири нашел свое продолжение в диссертационном исследовании Н.Г. Башариной¹⁵³. В этой работе впервые был проведен комплексный ана-

¹⁴² Дубровский А.М. Формирование историографических воззрений С.В. Бахрушина // Историография и источниковедение: Сб. статей. М., 1978; *Он же*. Неопубликованные историографические работы С.В. Бахрушина в Архиве АН СССР // АЕ. 1978. М., 1979.

¹⁴³ *Он же*. Проблемы социально-экономической истории России XVI–XVII вв. в трудах С.В. Бахрушина (1882–1950): Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. М., 1979.

¹⁴⁴ Там же. С. 7.

¹⁴⁵ Там же. С. 9.

¹⁴⁶ Там же. С. 18.

¹⁴⁷ Дубровский А.М. Анализ зарубежной историографии истории СССР в трудах С.В. Бахрушина // Историография и источниковедение: Сб. статей. М., 1979. С. 69–82.; *Он же*. История Москвы в творчестве С.В. Бахрушина // Русский город. Вып. 5. М., 1982. С. 5–17; *Он же*. С.В. Бахрушин как историк русского купечества XVII в. // Проблемы отечественной и всеобщей истории в трудах советских исследователей. Воронеж, 1985. С. 88–97.

¹⁴⁸ Шейнфельд М.Б. С.В. Бахрушин и историография Сибири советского периода. Красноярск, 1980. Кроме того, ранее им была опубликована статья: *Методология работ С.В. Бахрушина по истории Сибири* // Вопросы историографии и социально-экономического развития Сибири XIX–XX вв. Вып. 1. Красноярск, 1976. С. 106–134.

¹⁴⁹ Шейнфельд М.Б. С.В. Бахрушин и историография Сибири... С. 4.

¹⁵⁰ Там же. С. 7.

¹⁵¹ Там же. С. 4.

¹⁵² Там же. С. 77–82.

¹⁵³ Башарина Н.Г. С.В. Бахрушин как историк Сибири: Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. М., 1982.

лиз вклада историка в изучение Сибири, обнародованы новые архивные материалы. Важным выводом автора стала мысль, что Бахрушин являлся «не исследователем-эмпириком, а историком с определенными теоретическими установками»¹⁵⁴. По словам Башариной, «история Сибири занимала в творчестве С.В. Бахрушина доминирующее место», более того, он первым сумел вписать этот регион в общероссийский исторический процесс¹⁵⁵.

Большого внимания заслуживает статья С.М. Каштанова, посвященная 100-летию юбилею историка¹⁵⁶. В ней автор отказался от традиционной трехэтапной периодизации творческого пути Бахрушина и предложил выделить следующие этапы: «1) 1909–1917 гг.; 2) 1922–1930 гг.; 3) 1934–1940 гг.; 4) 1946–1950 гг.»¹⁵⁷. Выделение 1930 г. как завершающего рубежа, очевидно, является намеком на арест ученого по «Академическому делу», хотя в тексте об этом не говорится. Почему-то в периодизации выпали военные годы. В статье автор особое внимание обратил на методику источниковедческой работы, признав ее очень высокий уровень¹⁵⁸.

Ранее неизвестный эпизод научной деятельности Бахрушина как члена общества изучения Московской губернии получил освещение в работе С.Б. Филимонова¹⁵⁹. В 1984 г. выходит сборник статей, посвященный Бахрушинскому юбилею¹⁶⁰. Сборник открывался предисловием, где отмечалось большое значение С. Бахрушина как ученого. Обобщающий характер носила статья А.М. Дубровского¹⁶¹. Н.И. Никитин рассмотрел сибиреведческие аспекты деятельности историка¹⁶². Е.П. Михайлова осветила ранее не известные страницы научной биографии ученого, рассмотрев его деятельность в годы Великой Отечественной войны¹⁶³. Истории взаимоотношений С.В. Бахрушина и М.Н. Тихомирова коснулся С.О. Шмидт¹⁶⁴. Значительный плюс сборника заключался в публикации воспоминаний об историке, ставших важным источником изучения его биографии.

Последней работой советского периода можно назвать статью О.Н. Вилкова, посвященную сравнительному анализу концепций колонизации Сибири С.В. Бахрушина и В.И. Шункова. Автор подчеркнул большое значение их идей для отечественной историографии Сибири, отметив, однако, что многое историческая наука рассматривает уже по-другому¹⁶⁵. Подводя итоги советскому периоду изучения научного наследия С. Бахрушина, нужно отметить, что оно рассматривалось в русле концепции его постепенного перехода от «буржуазного экономизма» к марксизму, тем самым было сформировано довольно упрощенное понимание исследовательской эволюции историка.

На современном этапе развития исторической науки появилась возможность осветить новые, подчас трагические эпизоды жизни историка. Первым в этом ряду стоит до сих пор

¹⁵⁴ Там же. С. 18.

¹⁵⁵ Там же. С. 17, 19.

¹⁵⁶ Каштанов С.М. Творческое наследие С.В. Бахрушина и его значение для советской исторической науки: (К столетию со дня рождения) // История СССР. 1982. № 6. С. 110–123.

¹⁵⁷ Там же. С. 111.

¹⁵⁸ Там же. С. 112.

¹⁵⁹ Филимонов С.Б. С.В. Бахрушин – член общества изучения Московской губернии // АЕ. 1982. М., 1983. С. 211–214.

¹⁶⁰ Проблемы социально-экономической истории России: К 100-летию со дня рождения члена-корреспондента С.В. Бахрушина. М., 1984.

¹⁶¹ Дубровский А.М. Освещение социально-экономической истории феодальной России в трудах С.В. Бахрушина // Проблемы социально-экономической истории России... С. 8–37.

¹⁶² Никитин Н.И. История Сибири в трудах С.В. Бахрушина // Там же. С. 37–56.

¹⁶³ Михайлова Е.П. С.В. Бахрушин в годы Великой Отечественной войны // Там же. С. 57–62.

¹⁶⁴ Шмидт С.О. С.В. Бахрушин и М.Н. Тихомиров: (По архивным материалам) // Там же. С. 62–82.

¹⁶⁵ Вилков О.Н. Концепции С.В. Бахрушина и В.И. Шункова о характере первоначального периода заселения и освоения Сибири русскими в конце XVI – начале XVIII в. в оценке советской историографии последних лет // Демографическое развитие Сибири периода феодализма. Новосибирск, 1991. С. 65–85.

единственное обобщающее монографическое исследование А.М. Дубровского, посвященное Бахрушину¹⁶⁶. Оставаясь, в общем, на тех же позициях, на которых были написаны его предыдущие работы, автор добавляет много ранее неизвестных фактов, по-новому оценивает отдельные эпизоды. В книге появляется до того не звучавшая тема взаимоотношения историка и власти. В этой связи автор писал: «Время, в которое жил Бахрушин, не всегда способствовало научным занятиям. Оно то открывало перед ним широкие возможности, то совершенно отнимало всякие условия для труда... Порой ученому трудно было не сбиться на конъюнктуру. Тип историка, работавшего по известному принципу „чего изволите“, был характерен для этого времени... И о таких людях надо помнить. Но наиболее памятливы и ценны для науки те, кто, порой идя на неизбежный компромисс, сохранял и в то же время честное отношение к своему труду»¹⁶⁷. К последним относился и Бахрушин. Основные моменты биографии ученого Дубровский осветил в отдельных статьях¹⁶⁸. Оригинальный подход к анализу исторических и общественно-политических взглядов Бахрушина Дубровский предложил в статьях, посвященных графическим рисункам историка¹⁶⁹. Изучение рисунков ученого позволило пролить свет на восприятие Бахрушиным не только исторических, но и окружавших его деятелей. Последней работой исследователя о С. Бахрушине стала статья о педагогической деятельности ученого¹⁷⁰.

В работах А.А. Преображенского Бахрушин рассматривается в традиционном академическом ключе¹⁷¹. По замечанию автора, «совместно с другими учеными той поры (Б.Д. Грековым, М.В. Нечкиной и др.) Бахрушин предложил достаточно стройную схему исторического развития России на протяжении веков»¹⁷². Таким образом, Преображенский напоминал, что, несмотря на все перипетии судьбы, Бахрушин сыграл значительную роль в становлении советской историографической традиции и в конце жизни входил в истеблишмент советской науки.

Подводя итог историографического обзора работ, посвященных научной биографии Бахрушина, можно сделать вывод, что его деятельность получила всестороннее рассмотрение в научной литературе. Единственным малоизученным звеном является осмысление его творчества в рамках той историографической традиции, в которой он сформировался как историк, т. е. в рамках Московской исторической школы.

Таким образом, научные биографии Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева и С.В. Бахрушина изучены неравномерно. Доминировал персоналистский подход, приведший к тому, что их творчество оказалось в значительной степени оторвано от историографического контекста. Более того, невнимание к коллективистской составляющей их деятельности не позволило адекватно оценить вклад в науку. Характерной чертой проанализированной научной литературы является то, что приоритет отдавался изучению советского периода деятельности историков, тем самым были во многом пропущены дореволюционные годы формирования их как ученых, постепенного вхождения в элиту научно-исторического сообщества. В советское время это можно объяснить стремлением специалистов рассмотреть

¹⁶⁶ Дубровский А.М. С.В. Бахрушин и его время. М., 1992.

¹⁶⁷ Там же. С. 160.

¹⁶⁸ Дубровский А.М. Из рода Бахрушиных // Краеведы Москвы. Вып. 2. М., 1995. С. 165–180; Он же. Сергей Владимирович Бахрушин // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 1: Отечественная история. М.; Иерусалим, 2000. С. 192–206.

¹⁶⁹ Он же. Опыт прочтения графического наследия С.В. Бахрушина // Рисунки писателей; Сб. статей. СПб., 2000. С. 364–387; Он же. Жизнь и графика историка // Отечественная культура и историческая мысль XVIII–XX веков. Вып. 3. Брянск, 2004. С. 242–272.

¹⁷⁰ Он же. С.В. Бахрушин – преподаватель Московского университета // АЕ за 2005. М., 2007. С. 314–329.

¹⁷¹ Преображенский А.А. Сергей Владимирович Бахрушин // Историки России XVIII–XX веков. Вып. 4. М., 1997. С. 113–122; Он же. Сергей Владимирович Бахрушин // Историки России. Биографии. М., 2001. С. 587–593.

¹⁷² Он же. Сергей Владимирович Бахрушин // Преображенский А.А. Историк об историках России XX столетия. М., 2000. С. 38.

деятельность ученых в рамках схемы их постепенного перехода (как правило, неполного) к марксистской методологии, а в современной историографической науке – повышенным интересом к теме «историк – власть», в рамках которой судьбы московских историков в 1920–1950-е гг. оказывались в центре внимания, как наиболее типичные. Заполнение существующего пробела будет способствовать созданию целостной картины формирования, эволюции, а в дальнейшем и трансформации их научного творчества. Думается, что предложенный в данной работе угол зрения позволит целостно рассмотреть проблему.

Глава 2

Начало пути. Формирование научных взглядов (1890–1900-е гг.)

1. Основные тенденции развития отечественной исторической науки на рубеже XIX–XX вв

В пореформенный период российская историография, развиваясь в условиях усложнения политических и социальных отношений, отличалась напряженным поиском нового как на поле исторической проблематики, так и в области методологии. И в силу внутренних потребностей, и в силу большого влияния общеевропейского интеллектуального процесса историческая наука в России двигалась в одном направлении с историко-философской мыслью Запада. Одной из ведущих тенденций этой эволюции был переход к позитивизму.

Зародившись как социологическое учение, созданное О. Контом, позитивизм оказал колоссальное влияние на различные области гуманитарного знания. Позитивизм (от лат. *positivus* – «положительный») подкупал ученых своим стремлением к строгой научности, отказом от каких-либо умозрительных построений. В рамках позитивистского учения существовало убеждение, что принципы изучения естественнонаучных и гуманитарных дисциплин одинаковы, разница лишь в предмете анализа. Основой науки провозглашалось опытное знание. При этом признавалась относительность познания, поскольку опыт всегда носит субъективный характер, что сказывается и на полученных данных. Важной чертой позитивизма был акцент на единообразии человеческой природы. Это позволило сделать вывод о возможности сравнительного изучения всемирной истории. Утвердившись в исторической науке с середины XIX в., позитивизм первоначально имел очевидную эмпирическую направленность. Предполагалось, что на данном этапе развития знания нужно ограничиться изучением фактов и явлений, не пытаясь выявить их сущность.

Несмотря на многообразие форм, позитивизм в исторической науке отличал ряд устойчивых черт. Исследователи в первую очередь отмечают несколько характерных признаков позитивистской методологии: 1) представление об эволюционном характере развития общества, соединенное с акцентом на закономерности его развития; 2) многофакторный подход, т. е. признание существования различных факторов, равноценных в своем влиянии на развитие общества; 3) широкое применение сравнительно-исторического метода в изучении общественных явлений.

Несмотря на господствующее положение позитивизма, с конца XIX в. в отечественную историографию активно стали проникать заимствования и из других философских учений, в частности неокантианства и марксизма. Таким образом, историографическая картина, сложившаяся в конце XIX – начале XX в., характеризовалась крайней пестротой и сложностью.

Развитие гуманитарного знания на рубеже XIX и XX вв. привело к сосуществованию разнотипных философских систем, предлагавших нередко прямо противоположные варианты объяснения актуальных вопросов. История чутко откликалась на общие тенденции развития знания.

Широкую популярность приобрел «экономический материализм». В конце XIX в. под этим термином понимали методологию, построенную на принципе признания главенствующей роли экономического фактора в истории. Надо отметить, что понятие «экономического материализма» являлось достаточно расплывчатым, поскольку к данному течению не без оснований можно отнести как сторонников позитивизма, так и, например, ранних марк-

систов. Под марксизмом часто понимался именно «экономический материализм», методологические подходы которого в той или иной форме нашли применение в работах многих исследователей. М.Н. Покровский в 1906 г. в брошюре «Экономический материализм» разграничивал указанное направление и марксизм. Он считал, что экономический материализм не учитывает огромное значение классовой борьбы в истории.

Революционные события и обострение классовой борьбы способствовали нарастанию интереса к марксистской методологии. Такие деятели социал-демократического революционного движения, как Г.В. Плеханов, М.С. Ольминский и В.И. Ленин, нередко обращались к исторической тематике в поиске ответов на стоявшие перед ними проблемы. Из видных профессиональных историков к марксистам причисляли себя М.Н. Покровский и Н.А. Рожков. Тем не менее марксизм нельзя причислить к лидирующим историографическим направлениям конца XIX – начала XX в.

Неокантианство как философское течение сформировалось в 1860-е гг. в Германии. «Возвращение» к философскому наследию И. Канта происходило в условиях разочарования в натуралистическом мировоззрении и абсолютизации опытного знания. В 1880-е гг. возникла Баденская школа неокантианства, выдвинувшая на первый план проблему гуманитарного познания. Ее представители, Г. Риккерт и В. Виндельбанд, считали, что научное знание целесообразно разделить на науки о духе и науки о природе. Первые – идиографические – изучают индивидуальные явления, вторые – номотетические – ориентированы на выявление естественнонаучных законов. История относилась к первому типу. Следовательно, полагали они, историки должны отказаться от широких обобщений из-за их бесперспективности в сфере гуманитарного познания.

Те или иные философские направления и течения редко проявлялись в научном творчестве историков в чистом виде, чаще всего происходило переосмысление философских концепций в системе исторических представлений. Сложившаяся историографическая ситуация, когда различные теоретические установки, с одной стороны, конкурировали, а с другой – дополняли друг друга, свидетельствовала о множестве путей дальнейшего развития отечественной историографии.

Среди ученых до сих пор нет однозначного понимания состояния отечественной историографии накануне гибели Российской империи. Одни считают, что историческая наука находилась в состоянии кризиса из-за того, что позитивизм перестал удовлетворять насущные потребности науки, другие – что, наоборот, переживала расцвет. Первую точку зрения последовательно доказывал С.П. Рамазанов¹⁷³. Отталкиваясь от концепции кризисов науки Т. Куна¹⁷⁴, исследователь пришел к выводу, что в российской историографии начала XX в. началось вытеснение позитивистской парадигмы неокантианством. Данное утверждение в отношении историков-русистов представляется сильно преувеличенным. Во-первых, автор использовал концепцию, справедливо подвергнутую критике за упрощение сложного процесса смены одних научных представлений другими¹⁷⁵. Во-вторых, конкретно-исторические наблюдения показывают, что неокантианство не вытеснило позитивизм. Историки-позитивисты использовали некоторые идеи данной парадигмы в своих исследованиях, совершив таким образом синтез двух методологий, с доминированием позитивистской составляющей. Такой синтез стал визитной карточкой «второго позитивизма»¹⁷⁶. По авторитетному мнению П.С. Шкуринова, представителям данного течения «понадобилось прибегнуть к понятиям декриптивизма», когда «концептуальная тенденция требует признания систематизаторской

¹⁷³ Рамазанов С.П. Кризис в российской историографии начала XX века: В ч. 1–2. Волгоград, 1999–2000.

¹⁷⁴ Кун Т. Структура научных революций. М., 2003.

¹⁷⁵ Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ // Там же. С. 269–454.

¹⁷⁶ Шкуринов П.С. Позитивизм в России XIX века. М., 1980. С. 250.

функции познания во имя „открытия“ закона. Отсюда сведение функционализма в гносеологии к простой процедуре описания фактов, отсюда понятие „экономии мышления“»¹⁷⁷. Более того, на сохранение позитивизмом лидирующих позиций указывает не только размах и качество исторического поиска, но и, например, тот факт, что позитивизм, служивший основой научного мировоззрения дореволюционных историков, оставался ведущей методологией и в среде историков-эмигрантов, что свидетельствовало о его неисчерпанном научном потенциале. Кроме того, несмотря на увлечение отдельных представителей научного сообщества неокантианством, в их конкретно-исторических исследованиях продолжали господствовать позитивистские установки.

Кроме господствующего положения позитивизма отличительной чертой эпохи была тесная кооперация историко-правовых дисциплин и собственно исторической науки. В начале XX в. плодотворное взаимовлияние указанных дисциплин только усилилось¹⁷⁸. По мнению Н.В. Иллерицкой: «История права явилась наукой, пограничной для истории и юриспруденции, и несла в себе методологические признаки обеих наук – подходы и методы исследования исторической науки и объект исследования юридической науки. Занимались ею юристы с историческим мышлением, и чем более развитым было их историческое мышление, тем более удачным были примеры историко-правовых трудов»¹⁷⁹. В этой связи надо отметить, что колоссальное влияние на историческую науку продолжали оказывать идеи государственной школы, ставшие органической частью отечественной историографической традиции.

Во второй половине XIX в. в рамках историко-правовой науки начало формироваться социологическое, или реалистическое направление. Под влиянием социологии значительно расширилась проблематика исследования. Яркими представителями социологической школы в России были М.М. Ковалевский, С.А. Муромцев, Ю.С. Гамбаров и др.

Кроме методологии произошли значительные изменения и в организации науки. Особенно заметным стало увеличение научно-исторических журналов, ставших важнейшими проводниками научных идей.

Указанные выше тенденции развития отечественной историографии создавали насыщенный фон для научной деятельности историков Московской школы, создавая предпосылки для формирования неоднородного научного мировоззрения.

2. Ю.В. Готье: первые шаги в науке

Юные годы жизни и молодость являются важнейшим этапом формирования человеческой личности. Именно в это время складываются предпосылки для выбора профессии, склонность к той или иной деятельности, делаются первые шаги в профессии. Поэтому данный период жизни Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева и С.В. Бахрушина не может не быть освещен.

Самым старшим по возрасту из перечисленных историков был Готье. Он родился 18 июня 1873 г. в семье известного книготорговца французского происхождения Владимира Владимировича (Вольдемара Габриэля) Готье. Таким образом, достаточно благополучное детство способствовало развитию талантов будущего историка. Большое влияние на сына оказывала его мать, Наталья Степановна, урожденная Варсонофьева. Именно ей он был обя-

¹⁷⁷ Шкуринов П.С. Указ. соч. С. 248.

¹⁷⁸ Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1941. С. 512.

¹⁷⁹ Иллерицкая Н.В. Историко-юридическое направление в русской историографии второй половины XIX века. М., 1998. С. 6.

зан первым знакомством с историей. По воспоминаниям Готье, его мать очень хорошо знала историю и много читала сыну различную историческую литературу¹⁸⁰.

Его годы учебы прошли в престижной частной гимназии Краймана, где на мальчика значительно повлиял преподаватель истории Петр Павлович Мельгунов (отец известного впоследствии историка и издателя С.П. Мельгунова¹⁸¹), который когда-то учился вместе с Ключевским на одном курсе. По словам Готье, именно Мельгунов укрепил в нем склонность и вкус к истории. В архиве будущего историка сохранилось школьное сочинение «Реформа Петра Великого. Ее значение. Причины, вызвавшие ее. Ее подготовка до Петра. Ее характер»¹⁸². В нем Готье рассматривал петровские преобразования в русле концепции С.М. Соловьева о переходе в «зрелый стан» русского общества. Обращение к работам классика исторической науки свидетельствует о знакомстве ученика с научной литературой, в чем, видимо, была немалая заслуга его учителя.

После окончания гимназии Готье не сомневался, что поступит в Московский университет на историко-филологический факультет. Но отец хотел видеть в сыне наследника его книжного дела, поэтому перед поступлением он поставил ему условие, что тот должен посвятить свое свободное время изучению работы книготорговца¹⁸³.

В 1891 г. он становится студентом историко-филологического факультета. Сначала преподавание в университете несколько разочаровало молодого человека, но затем он окунулся в атмосферу научного поиска. Первым преподавателем, оказавшим неизгладимое впечатление на Готье, был П.Г. Виноградов. В его семинаре, посвященном истории античности, он впервые учился технике научно-исторического исследования. Это было «отличной подготовительной школой для дальнейших самостоятельных занятий»¹⁸⁴. Более того, по признанию Готье, он вскоре стал «виноградовцем», попав под обаяние его семинариев и лекционных курсов. Но достаточно быстро его интерес захватила русская история, чему в определяющей степени способствовали лекции Ключевского.

О Ключевском Готье слышал еще до поступления в университет. О знаменитом профессоре уже давно шла слава по всей стране, и многие специально поступали на историко-филологический факультет, чтобы учиться у него. Захватили лекции мэтра и молодого историка, их высокохудожественность только подкрепляла внимание. «Казалось, что он [Ключевский. – В.Т.], говоря о деталях и явлениях русской истории, рассказывает о лицах и событиях, им лично виденных»¹⁸⁵. Меньшее значение сыграли семинары Ключевского, которые «были, в сущности, также лекциями, но лекциями специальными»¹⁸⁶. Недостатки семинаров Ключевского компенсировались занятиями у П.Н. Милюкова. «Именно милюковский семинар имел решающее значение для всей моей жизни... Преподавание Милюкова... имело для меня не меньшее значение, чем курс Ключевского»¹⁸⁷, – писал впоследствии Готье. Большое впечатление произвела на историка и книга Милюкова «Очерки по истории русской культуры», которую Готье считал очень ценным дополнением к курсу Ключевского. Под руководством Милюкова молодой историк написал свою первую крупную историческую работу «Оборона южных границ Московского государства в XVI в.», тогда же и созрело окончательное решение стать специалистом по отечественной истории.

¹⁸⁰ Готье Ю.В. Университет // Московский университет в воспоминаниях современников / Сост. Ю.Н. Емельянов. М., 1989. С. 554.

¹⁸¹ Емельянов Ю.Н. С.П. Мельгунов: в России и эмиграции. М., 1998. С. 16.

¹⁸² АРАН. Ф. 491. Оп. 1. Ед. хр. 62.

¹⁸³ Готье Ю.В. Университет... С. 555.

¹⁸⁴ Там же. С. 561.

¹⁸⁵ Там же. С. 565.

¹⁸⁶ Там же. С. 566.

¹⁸⁷ Там же. С. 567–568.

На четвертом курсе Готье как участник семинариев Виноградова и Милюкова вошел в кружок молодых историков под руководством П.Г. Виноградова, П.Н. Милюкова и С.Н. Трубецкого. Первый стал председателем кружка. По воспоминаниям Готье, заседания кружка оказали сильное влияние на формирование его «научного мировоззрения»¹⁸⁸.

Работу об обороне южных границ, начатую в милюковском семинаре, Готье предложил в качестве выпускного сочинения, расширив хронологические рамки до конца XVII в. Окончательно название исследования звучало «Оборона степных границ Московского государства в XVI и XVII столетиях»¹⁸⁹. В качестве основного источника автор активно использовал опубликованные, но мало изученные, разрядные книги. В сочинении начинающий историк отметил основные тенденции борьбы за степные просторы и их освоения. Он тесно связал оборону границ с внешней политикой Московского царства.

По мнению автора, «характер всей русско-татарской борьбы после 1480 г. может быть определен одним словом: это неуклонное наступательное шествие на юго-восток»¹⁹⁰. Наступление это носило очень осторожный и в целом оборонительный характер, позволяя, впрочем, решать основные государственные задачи. Готье выделил в истории обороны южных границ несколько этапов. Первый – 1480–1552 гг. – от освобождения от татаро-монгольского ига до взятия Казани. Этот этап он назвал Казанским, поскольку именно Казанское ханство являлось и главной проблемой, и главной целью московской политики. Второй этап – с 1552 по 1613 г. – характеризуется началом борьбы с Крымским ханством и усиливающейся правительственной колонизацией степи. Третий период – 1613–1637 – время восстановления Московского государства после Смутного времени и отказа от интенсивного освоения степей. Наконец, с 1637 г. начинается период «усиленной постройки городов на Юге и окончательного заселения Польской украины и колонизации Слободской Украины»¹⁹¹.

На первом этапе борьбы соотношение сил было уже в пользу русского государства. «Отношения Москвы к Казани – отношения сюзерена к вассалу, и при том сюзерен строг, требователен и знает, что рано или поздно вассал вполне подчинится ему»¹⁹². Таким образом, присоединение Казани, по мысли автора, было предопределено.

Автор тесно связал борьбу с Казанью и особенно с Крымом с международными отношениями. По его замечанию: «Характерная черта Московско-Крымских отношений изучаемого времени – тесная связь их с отношениями Москвы к Польско-Литовскому государству»¹⁹³. Борьба с Крымом оказалась гораздо сложнее для русского государства, поскольку он «был слишком далек от Москвы и слишком силен своим географическим положением, своими связями с Турцией и отчасти с Литвой»¹⁹⁴.

Огромное значение в обороне южных границ Готье отводил колонизационным процессам. По его мнению, лидером в колонизации юга было правительство (правительственную колонизацию он даже называет «правильной»¹⁹⁵). Именно государство организовало станичную пограничную службу, которая, по словам автора, уже сформировалась к середине XVI в. И именно государство было инициатором строительства сети укрепленных городов на границе. Градостроительство, в концепции Готье, стало ключевым фактором успешного

¹⁸⁸ Готье Ю.В. Профессор Александр Николаевич Савин // Голос минувшего. 1923. № 2. С. 185.

¹⁸⁹ АРАН. Ф. 491. Оп. 1. Ед. хр. 19.

¹⁹⁰ Там же. Л. 4.

¹⁹¹ Там же. Л. 4 об. – 5.

¹⁹² Там же. Л. 7.

¹⁹³ Там же. Л. 9 об.

¹⁹⁴ Там же. Л. 24 об.

¹⁹⁵ Там же. Л. 109.

освоения южных степей¹⁹⁶. Большую роль в обороне играли служилые татары. Поворотным моментом в защите границ стало начало строительства в 1637 г. пограничной черты, которая позволила проводить систематическую колонизацию южных земель¹⁹⁷. Сроком окончания борьбы, по мнению автора, «можно считать конец 70-х гг. [XVII в. – *В.Т.*], когда была укреплена Белгородская черта»¹⁹⁸. Окончательно крымские набеги прекратились после походов В.В. Голицына.

Таким образом, в концепции автора определяющими факторами обороны границ стали строительство засечных черт и постепенная колонизация. Этот тезис нашел подтверждение в последующих исследованиях¹⁹⁹, став неотъемлемой частью наших представлений об освоении Юга России. В данном случае обращение к теме обороны границ государства в контексте колонизационных процессов, очевидно, должно рассматриваться как продолжение традиций Московской исторической школы, где колонизация признавалась наиболее значительным фактом русской истории.

Работа получила высшую оценку «весьма удовлетворительно». Государственные экзамены также были сданы весьма успешно: за все были получены высшие балы. Вспоминая об экзаменах, Готье писал: «Несмотря на неприятные моменты, на требовательность и не слишком приятное отношение к нам председателя комиссии [казанского профессора-классика Д.Ф. Беляева. – *В.Т.*], это было все-таки светлое, живое время, время молодой борьбы за достижение цели – победоносно пройти через комиссионные препятствия»²⁰⁰. Экзамены закончились дружеским ужином с П.Г. Виноградовым.

По окончании университета Готье пришлось приложить немало усилий, чтобы его оставили «для приготовления к профессорскому званию» при кафедре отечественной истории. По воспоминаниям историка, большим препятствием для этого было то, что Ключевский слишком плохо его знал, поскольку во время его обучения в университете длительное время отсутствовал, преподавая историю наследнику престола в Аббас-Тумане²⁰¹. Тем не менее необходимое знакомство состоялось. Академическую карьеру Готье на некоторое время прервала необходимость службы в армии. С 1895 г. по осень 1896 г. молодой историк отслужил один год в армии, после чего сразу же напомнил о себе Ключевскому, который в конце концов стал его научным руководителем. Как признавался Готье, поначалу их отношения складывались не самым простым образом. Ключевский не любил, когда ему докучали различными вопросами. Впоследствии начинающий ученый решил, что таким образом руководитель приучал их к научно-исследовательской самостоятельности. Его лозунгом было «Сам доходи!». «Не бояться черновой работы, доходить самому до первичной формы исторических известий, научиться самому ориентироваться в специальной литературе – таковы были требования, которые он [Ключевский. – *В.Т.*] предъявлял к начинающим свою ученую деятельность молодым людям»²⁰², – писал Готье. Надо отметить, такая манера руководства одними принималась, а у других, например у Милюкова, вызывала отторжение, как Готье ее принял. Кроме того, недостатки такого метода работы в некоторой степени компенсировались частыми непринужденными беседами с учителем. «Час такой беседы стоил мно-

¹⁹⁶ Там же. Л. 12 об. – 13, 34 об. – 35.

¹⁹⁷ Там же. Л. 91.

¹⁹⁸ Там же. Л. 4.

¹⁹⁹ Например, капитальная монография А.А. Новосельского «Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века» (М.; Л., 1948).

²⁰⁰ Готье Ю.В. Профессор Александр Николаевич Савин... С. 186.

²⁰¹ Готье Ю.В. В.О. Ключевский как руководитель начинающих ученых (из личных воспоминаний) // В.О. Ключевский. Воспоминания и характеристики. М., 1912. С. 178.

²⁰² Там же. С. 181.

гих недель работы»²⁰³, – считал молодой историк. С этого времени он начинает систематически готовиться к сдаче магистерских экзаменов. Для успешной сдачи экзаменов необходимо было проработать огромное количество источников и литературы не только по русской истории, но и по отдельным вопросам истории всемирной. Процесс напряженной подготовки к сдаче отражают многочисленные конспекты и планы подготовки к экзамену, сохранившиеся в архиве²⁰⁴.

Параллельно с этим, он некоторое время проработал сотрудником Московского архива Министерства юстиции (ММЮ)²⁰⁵. Здесь с января 1897 г. по май 1898 г. Готье работал в описательном отделении и занимался разбором столбцов Московского стола. Вероятно, именно тогда у историка сформировался устойчивый интерес к архивной теории и практике. 29 декабря 1896 г. он избирается членом Археографической комиссии Московского археологического общества²⁰⁶.

В 1897 г. начинающий ученый совершил поездку в Швецию для ознакомления с работой архивных учреждений, хотя впоследствии и признавался: «Цель моего посещения Стокгольма была скорее туристической»²⁰⁷. Историк посетил стокгольмский и несколько провинциальных архивов. Кроме изучения шведского архивного опыта, он намеревался найти документы по русской истории. Поиски увенчались успехом, и Готье напечатал несколько наиболее интересных источников в российских научно-исторических изданиях²⁰⁸.

По впечатлениям от поездки он опубликовал в 1898 г. статью о работе Стокгольмского государственного архива, которая в 1911 г. была снова перепечатана²⁰⁹. Подчеркнув, что «судьба архивоведения в Швеции тесно связана с историей Стокгольмского государственного архива»²¹⁰, ученый подробно рассмотрел историю, материальное обеспечение деятельности архива, систему хранения и режим доступа к документам. В статье он выступил сторонником централизации архивного дела, поскольку считал, что четкая, централизованная система функционирования архивохранилищ как центральных, так и провинциальных будет способствовать их развитию²¹¹. (В таком же свете историк видел и дальнейшую эволюцию архивного дела в России, что подтверждают и все его дальнейшие высказывания о путях развития отечественных архивов.) Готье подошел к проблеме архивов как профессиональный историк, которого в архивной системе интересуют в первую очередь практическая сторона дела, возможность использовать архивные богатства в научных исследованиях.

Необходимо отметить, что историк и впоследствии старался поддерживать контакты со Стокгольмским государственным архивом. В 1902 г. он снова посетил Швецию. Активную роль Готье сыграл в передаче шведскими архивистами Румянцевскому музею, куда он поступил на службу 5 декабря 1898 г.²¹², источников о смоленской осаде в Смутное время. Именно его связи позволили выписать эти документы для копирования непосредственно в

²⁰³ Там же.

²⁰⁴ НИОР РГБ. Ф. 83. (Ю.В. Готье) П. IX–X.

²⁰⁵ АРАН. Ф. 491. Оп. 1. Д. 66; *Шохин Л.И.* Московский архив Министерства юстиции и русская историческая наука. М., 1999. С. 495.

²⁰⁶ АРАН. Ф. 491. Оп. 1. Ед. хр. 64.

²⁰⁷ Там же. Д. 36 а. Л. 2 об.

²⁰⁸ *Готье Ю.В.* Смоленские акты из семейного архива гр. Брахе // Древности. Труды Московской археографической комиссии. М., 1897. Т. 1. Вып. 1; *Он же.* Известия Пальмквиста о России // Археологические известия и заметки. 1899. № 3–4. С. 65–98.

²⁰⁹ *Готье Ю.В.* Стокгольмский государственный архив // Древности. Труды Археографической комиссии Императорского московского археологического общества. М., 1898. Т. 1; *Он же.* Стокгольмский государственный архив // Сборник статей по архивоведению. СПб., 1911. Т. 1, ч. 2. С. 95–128. (Ссылки даются на последнее издание).

²¹⁰ *Готье Ю.В.* Стокгольмский государственный архив // Сборник статей по архивоведению... С. 98.

²¹¹ Там же. С. 127.

²¹² *Отчет* Московского публичного и Румянцевского музеев за 1898 г. М., 1899. С. 112; АРАН. Ф. 491. Оп. 1. Ед. хр. 66.

России, сделав их достоянием российской научной общественности. В Румянцевском музее Готье проработал более четверти века. Последовательно занимая должности ученого секретаря, хранителя Отделения древностей, библиотекаря, главного библиотекаря, заместителя директора, заведующего Отделением истории России – СССР²¹³. Отзывы о работе Готье были неоднозначными. Кто-то отмечал его высокий профессионализм и заинтересованность в работе, кто-то, наоборот, халатность. Так, известный библиотекарь Н.Н. Ильин, служивший с Готье, впоследствии вспоминал: «Руководителем библиотеки Румянцевского музея состоял тогда проф. Ю.В. Готье... Отпрыск владельцев старой книготорговой фирмы на Кузнецком мосту, француз по происхождению, Готье сверкал национальным галльским остроумием, которое в частной беседе зачастую отзывалось примесью чисто русского навоза. Так, касаясь своих обязанностей по библиотеке, Готье откровенно говорил, что ему на это „наплевать“, лишь бы не тревожили. Не лишенный административных способностей и умения разбираться в людях, он следовал этой программе с успехом и безнаказанностью»²¹⁴. Возможно, Ильина раздражало то, что Готье совмещал большое количество должностей в различных учреждениях, отдавая предпочтение научной деятельности в ущерб музеям. Иного мнения придерживался директор музеев, князь В.Д. Голицын, всегда поддерживавший ученого. При Готье вновь началось создание инвентарных описей библиотечных фондов, упорядочены журнальные и газетные фонды²¹⁵. Историк был одним из тех, кто стоял у истоков «Общества друзей Румянцевского музея», созданного в 1913 г.²¹⁶ Параллельно с работой в музее историк преподавал в Московском университете, где, прочтя две пробные лекции на темы «Земские соборы при Грозном и их происхождение» и «Очередные задачи в изучении писцовых книг»²¹⁷, в 1903 г. занял должность приват-доцента²¹⁸.

Расхожим мнением среди историографов является мысль о том, что историк не может отгородиться от общественно-политических страстей, бушующих вокруг него. Во многом этому способствует и особый социальный статус самой исторической науки, постоянно оказывающейся в центре политических дискуссий. Выше отмечалось, что московские историки, не в пример петербургским, отличались повышенным интересом к политике. Поначалу восприняли такую модель поведения и их младшие коллеги. Так, Готье после возвращения из армии включился в общественно-политическую жизнь страны, вступив в партию кадетов. В 1905 г. он примкнул к партии конституционных демократов, но «вышел из ее рядов уже весной 1906 г. из-за тактических разногласий, связанных с Выборгским манифестом»²¹⁹. Тем не менее он достаточно активно принимал участие в организации и проведении публичных чтений²²⁰. Впоследствии он признавал, что политическая деятельность мало его интересует: «Я не политический деятель, у меня нет для этого темперамента... Ни Милюков, ни Кизеветтер, ни иные мои знакомые не нашли для меня дела в к.-д. партии; а... тем временем я сам в ней разочаровался и после выборгского воззвания сам вышел партии... и на всю жизнь стал „диким“... Все, что я могу сказать, настолько не вяжется с „лозунгами“ царствующих самодержцев идиотизма, что и с этой стороны распространение моих мыслей в данное время было бы и затруднительно и бесполезно. Остаются частные разговоры и учебная

²¹³ АРАН. Ф. 491. Оп. 1. Ед. хр. 66.

²¹⁴ Цит. по: Андреева О.В., Кугляковская Л.И. Из истории Московского Румянцевского музея (по воспоминаниям Н.Н. Ильина) // Книга в пространстве культуры. Вып. 1. М., 2005. С. 9.

²¹⁵ Коваль В.Д. Князь В.Д. Голицын и Румянцевский музей. М., 2007. С. 103.

²¹⁶ Там же. С. 98.

²¹⁷ Иванов А.Е. Ученые степени в Российской империи XVIII в. – 1917 г. М., 1994. С. 122.

²¹⁸ АРАН. Ф. 491. Оп. 1. Ед. хр. 66.

²¹⁹ Эммонс Т. Ю.В. Готье и его дневник // Ю.В. Готье Мои заметки. М., 1997. С. 8.

²²⁰ Революция 1905–1907 гг. глазами кадетов. (Из дневников Е.Я. Кизеветтер) / Публикация М.Г. Вандакковской, А.Н. Шаханова // Российский архив. Т. V. М., 1994. С. 372.

аудитория, где я всегда старался быть объективным и никогда не говорил того, чего я сам не думаю»²²¹. Таким образом, он сделал выбор в пользу научно-преподавательской карьеры.

3. С.Б. Веселовский: от юриста к историку

Всего на три года младше Готье был Степан Борисович Веселовский, но его путь в историческую науку был гораздо извилистее. Он родился 4 сентября 1876 г. в дворянской семье²²². Доход Веселовских был небольшой, но позволял жить безбедно. Маленький Степан рано овладел грамотой, чему в немалой степени способствовало то, что его отец, Борис Степанович, приобрел библиотеку цензора Лебедева²²³. Учился он сначала в 5-й московской классической гимназии, а затем в Тамбовской губернской гимназии.

В 1896 г. он поступил в Московский университет на юридический факультет. Об обучении на юридическом факультете у Веселовского остались не самые радужные воспоминания. По его мнению, уровень преподавания на факультете тогда оставлял желать лучшего²²⁴. «Насколько помню, на первом курсе не было ни одного интересного, талантливого профессора»²²⁵, – вспоминал он. Одним из немногих преподавателей, произведших впечатление на Веселовского, был Н.А. Зверев, читавший энциклопедию права²²⁶. В университете под руководством известного историка права И.Х. Озерова Веселовский написал работу, посвященную анализу политических взглядов Б. Спинозы. Впоследствии Веселовский написал рецензию на перевод «Богословско-политического трактата», сделанный М. Лопаткиным²²⁷. В рецензии автор отметил определенное количество неправильно переведенных мест, заметив, впрочем, что их немного.

У И.Х. Озерова Веселовский писал и свое дипломное сочинение, посвященное анализу финансовой системы Франции до революции. Для сбора материала по теме исследования он в 1901 г. совершил поездку за границу, во время которой посетил Германию, Францию и Швейцарию. В 1902 г. он окончил университет, но вместо юридической карьеры выбрал путь историка. С этого времени Веселовский посвятил себя кропотливой работе над изучением прошлого России.

Еще до окончания университета он женился на своей двоюродной сестре Елене Евгеньевне Сифферлен. Благодаря этому браку он приобрел значительное состояние, которое обеспечило ему безбедное существование и позволило заниматься любимым делом. В первые годы своей деятельности он находился на некотором удалении от основной массы московских историков, что объясняется тем, что он окончил не историко-филологический факультет, а юридический, поэтому у него было мало необходимых знакомств. Вхождение в научно-историческое сообщество было постепенным. Трудности были связаны еще и с тем, что большинство историков были людьми небогатыми, вынужденными жить преподавательским и литературным трудом. На их фоне Веселовский, владевший несколькими доходными домами и акциями прибыльных предприятий, оказывался инородным телом, видимо, вызы-

²²¹ Готье Ю.В. Мои заметки. М., 1997. С. 17.

²²² О предках и семье Веселовского см.: С.Б. Веселовский. Семейная хроника. Три поколения русской жизни. М., 2010.

²²³ Веселовский С.Б. Первые воспоминания детства // История государства Российского. Хрестоматия: свидетельства, источники, мнения. XIX век. Книга 3. М., 2002. С. 140.

²²⁴ С.Б. Веселовский в письмах, мемуарах, дневниках // Отечественная культура и историческая мысль XVIII–XX веков. Вып. 3. Брянск, 2004. С. 216–217.

²²⁵ Веселовский С.Б. Воспоминания детства // С.Б. Веселовский. Семейная хроника. Три поколения русской жизни. М., 2010. С. 60.

²²⁶ С.Б. Веселовский в письмах, мемуарах, дневниках... С. 217.

²²⁷ Веселовский С.Б. Рец. на: Спиноза Б. Богословско-политический трактат / Пер. с лат. М. Лопаткина. Казань, 1906 // Вопросы философии и психологии. 1906. Кн. 85. С. 482–487.

вая нередко зависть и осуждение. Так, в своем дневнике 1 января 1916 г. историк с горечью писал: «Я давно и постоянно испытываю тягостное чувство пустоты, расхолаживающее влияние этой тупой, эгоистичной, плебейски-завистливой и прозаически настроенной ученой братии. Мысль о том, что мое увлечение наукой и все мои труды, на их взгляд, есть чудачество обеспеченного человека, меня не покидает. С.А. Белокуров мне не раз говорил с грубым добродушием, присущим ему: вот чудак! Сидит в архиве, когда мог бы кататься на автомобилях, пить шампанское и путешествовать в теплых краях. Поневоле опускаются руки»²²⁸. В этом же духе оставил отзыв о Веселовском и петербургский историк А.Е. Пресняков: «Обедал у С.Б. Веселовского, молодого ученого, который встретил меня в Архиве и после занятий повел к себе. Это богатый господин, который живет пока в наемной квартире, ожидая отделки собственного дома»²²⁹.

Тем не менее постепенно, благодаря своим заслугам, которые невозможно было игнорировать, историк входил в сообщество историков. 29 сентября 1907 г. его избирают членом-соревнователем Общества истории и древностей российских при Московском университете²³⁰. 25 января 1908 г. состоялось личное знакомство Веселовского с В.О. Ключевским²³¹. В тот день он читал доклад на заседании общества по теме «Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича», вскоре вышедший отдельным изданием. После этого завязались деловые отношения. Ключевский неоднократно дарил молодому историку книги со своими автографами. Веселовский принял участие в создании сборника в честь Ключевского, где поместил статью о значении азартных игр в государственных доходах России XVII в. В ней он доказал, что азартные игры, приобретшие форму монополии на мелкие промыслы, были заметным источником доходов казны²³². Статья была частью начатой историком работы по изучению чрезвычайных налогов в XVII в.

Сохранились воспоминания Веселовского о своем неформальном учителе. Он считал, что отзывы о Ключевском как замкнутом и сложном человеке сильно преувеличены: «Бесспорно, что К[лючевский], как всякий богато одаренный от природы человек, был натурой сложной, которая не укладывается в иконописные трафареты, но „загадочность“ его лика зависит не от него самого, а от тех, кто не был в состоянии подойти к нему просто и непосредственно»²³³. По его наблюдениям, легендарный историк относился к людям, даже незнакомым, очень дружелюбно. В то же время Веселовский отмечал и присущую великому ученому жизненную осторожность и даже обидчивость. Но «глубоко врожденная симпатия его к человеку, который, подобно ему, получил от жизни много обид, предохраняла К[лючевского] от озлобления и пессимизма»²³⁴. Ученый впоследствии принял участие в похоронах Василия Осиповича²³⁵.

Веселовский не был выпускником историко-филологического факультета и непосредственным учеником Ключевского. Это вызывает у некоторых исследователей сомнение в

²²⁸ Веселовский С.Б. Дневники 1915–1923, 1944 г. // Вопросы истории. 2002. № 2. С. 100.

²²⁹ Пресняков А.Е. Указ. соч. С. 656.

²³⁰ Кобрин В.Б., Аверьянов К.А. С.Б. Веселовский. Жизнь. Деятельность. Личность. М., 1989. С. 40.

²³¹ Шокарев С.Ю. Воспоминания С.Б. Веселовского о В.О. Ключевском и Д.Я. Самоквасове // В.О. Ключевский и проблемы российской провинциальной культуры и историографии: Мат-лы науч. конф. (Пенза, 25–26 июня 2001 г.). Кн. I. М., 2005. С. 443.

²³² Веселовский С.Б. Азартные игры как источник дохода Московского государства в XVII веке // Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому его учениками, друзьями и почитателями ко дню тридцатилетия его профессорской деятельности в Московском университете. (5.XII.1879 – 5.XII.1909 года). М., 1909. С. 291–316.

²³³ Шокарев С.Ю. Воспоминания С.Б. Веселовского о В.О. Ключевском и Д.Я. Самоквасове... С. 444.

²³⁴ Там же.

²³⁵ Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974. С. 568.

принадлежности ученого к Московской школе и к какой-либо школе вообще²³⁶. Но надо обратить внимание, что такой формальный подход к определению школьной принадлежности вызывает возражения. Так, нередко историки, не являясь учениками тех или иных ученых, воспринимают их концепции и методы работы с источниками, и такие примеры не редкость, поскольку способы передачи научной культуры значительно расширились в начале XX в., включая не только классическое преподавание, но и публикации курсов лекций, монографии, публичные выступления, частные беседы и т. д. Зависимость концептуальных построений Веселовского от Ключевского признана подавляющим большинством исследователей. Кроме того, можно предположить, что Веселовский мог слушать лекции Ключевского, читавшего русскую историю не только студентам-историкам, но и юристам. Симптоматично, что Готье в своем университетском курсе по русской историографии рассматривал Веселовского как ученика Ключевского, не сомневаясь в его принадлежности к Московской школе историков²³⁷. А.А. Зимин писал о Веселовском как о типичном представителе Московской школы²³⁸.

Принадлежность Веселовского к Московской школе определяло еще и то, что он оказался в теснейшем контакте с выпускниками историко-филологического факультета, не только многое у них перенял, но и оказал очень заметное влияние на исследовательский почерк младших представителей Московской школы, во многом сформировав их отличительные от старшего поколения черты.

Первоначально Веселовский приобрел в рядах профессиональных историков славу трудолюбивого и глубокого знатока архивов. Он огромное количество времени проводил, работая над архивными документами. Как и подавляющее большинство видных историков, начинающий ученый придерживался негласного кодекса историка-архивиста, состоящего в требовании добросовестного отношения к архивным богатствам, соблюдения всех правил работы в архиве. В этом смысле показательна скандальная история, произошедшая с киевским историком Е.Д. Сташевским, в которую оказались вовлечены многие московские историки.

Молодой историк Сташевский, выпускник Киевского университета, по свидетельству многих современников, не обделенный талантом, решил двигаться по карьерной лестнице окольными путями. С 1906 по 1911 г. он выкрал из московских архивов 319 документов. Когда в 1906 г. обнаружилась пропажа, то первоначально подозрение пало на А.И. Яковлева, поскольку думали, что он последний работал с этими документами²³⁹. Правда, вскоре обвинения были сняты. Впоследствии подозревали даже Веселовского, но тот потребовал проверить лист посещений, доказав свою непричастность и тем самым отведя подозрения²⁴⁰. Но к 1912 г. постоянные пропажи документов вывели на киевского историка. Сташевский постарался замести следы, вернув документы на место, но опоздал, поскольку архивариусы заново пронумеровали листы. Не желая иметь с ним больше никаких дел, со Сташевским разорвали всякие отношения М.К. Любавский и М.М. Богословский, а его репутация в научных кругах была навсегда подмочена²⁴¹.

Но на этом подлоги киевского историка не закончились. В Киеве он представил на соискание магистерской степени первый том своей книги «Очерки по истории царства-

²³⁶ Дубровский А.М. Ученый и его наука в письмах // Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками. М., 1998. С. 6, 8.

²³⁷ АРАН. Ф. 491. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 90 об.

²³⁸ Зимин А.А. Несравненный Степан Борисович // Александр Александрович Зимин. М., 2005. С. 58–59.

²³⁹ С.Б. Веселовский – А.И. Яковлеву. 1906 г. // Переписка С.Б. Веселовского... С. 443.

²⁴⁰ С.Б. Веселовский – Е.Д. Сташевскому. 25 сентября 1912 г. // Там же. С. 349.

²⁴¹ Подробнее см.: Михальченко С.И. «Дело Сташевского» (начало XX в.) // Российские университеты XVIII–XX веков в системе исторической науки и исторического образования: Мат-лы межвуз. науч. конф. Воронеж, 1994. С. 46–48.

ния царя Михаила Федоровича»²⁴². При ближайшем рассмотрении книга носила компиляционный характер, многие выводы были слабо обоснованы. Веселовский написал на работу обстоятельную критическую рецензию и предоставил ее для печати в «Журнал Министерства народного просвещения». Отзыв долго не печатали, боясь скандала. В дело вынужден был вмешаться С.Ф. Платонов, ратовавший за публикацию отзыва перед одним из редакторов Э.Л. Радловым²⁴³. Впоследствии, редакторы журнала Э.Л. Радлов и Н.Д. Чечулин просили смягчить некоторые выражения, но автор отказался. Тогда Н.Д. Чечулин, по просьбе Э.Л. Радлова, самовольно внес некоторые коррективы, чем вызвал протест московского коллег²⁴⁴.

Даже несмотря на это, рецензия получилась резко отрицательной. В ней автор категорически писал, что у Сташевского «нет ни достаточного материала для серьезного пересмотра множества затронутых им вопросов, ни достаточной подготовки»²⁴⁵. Дальнейшие выводы носили еще более негативный характер: «Не то это компиляция, украшенная архивными цитатами, не то попытка самостоятельного исследования»²⁴⁶. Веселовский возразил против чрезмерного, с его точки зрения, подробного разбора имеющейся литературы. Он также отметил «небрежность и неточность цитат и ссылок»²⁴⁷. Веселовский обвинил автора книги и в недобросовестном использовании исторических источников. Он отметил стремление Сташевского из отдельных уникальных эпизодов делать далеко идущие выводы и, в случае необходимости, некритически подходить к источникам. Не меньшее осуждение у автора отзыва вызвала манера киевского историка использовать выводы других ученых: «Он так же без стеснения приписывает им то, чего они не говорили, если ему нужно...»²⁴⁸. Подводя итоги, Веселовский высказал ряд мыслей касательно необходимости изменения общего положения дел в российской исторической науке. «Возможно ли было бы появление таких книг, если бы у нас, как на Западе, существовали специальные периодические издания исторической критики? – задавался он риторическим вопросом, – До сих пор у нас нет ни одного подобного органа. Разборы новых работ появляются случайно и разбросаны во множестве периодических изданий. Наше научное общественное мнение имеет преимущественно кабинетный характер. При таких условиях ценные работы иногда остаются незамеченными и подолгу не находят справедливой оценки, а с другой стороны, нередко появляются безнаказанно такие работы, авторы которых совершенно не имеют научных приемов»²⁴⁹. Несмотря на такую рецензию, Сташевский защитил диссертацию в Киевском университете. Тем не менее, по словам В.И. Саввы, он теперь все-таки не мог «чувствовать себя победителем»²⁵⁰.

Через год Е.Д. Сташевский вынужден был ответить. Он отметал все обвинения в свой адрес, не признавая со своей стороны недобросовестного использования литературы и

²⁴² Сташевский Е.Д. Очерки по истории царствования царя Михаила Федоровича. Киев, 1913. Ч. 1.

²⁴³ С.Ф. Платонов – Э.Л. Радлову. 5 июля 1913 г. // Академик С.Ф. Платонов. Переписка с историками: В 1 т. М., 2003. С. 184.

²⁴⁴ Н.Д. Чечулин – С.Б. Веселовский. 18 сентября 1913 г. // Переписка С.Б. Веселовского... С. 245–246; С.Б. Веселовский – С.Ф. Платонову. 1913 г. // Там же. С. 174–176.

²⁴⁵ Веселовский С.Б. Рец. на кн.: Сташевский Е.Д. Очерки по истории царствования царя Михаила Федоровича. Киев, 1913. Ч. 1 // ЖМНП. Новая серия. Ч. 47. Сентябрь. СПб., 1913. С. 339.

²⁴⁶ Там же.

²⁴⁷ Там же. С. 361.

²⁴⁸ Там же. С. 375.

²⁴⁹ Там же. С. 380.

²⁵⁰ В.И. Савва – С.Б. Веселовскому. 29 ноября 1913 г. // Переписка С.Б. Веселовского... С. 366.

источников. Он даже назвал отзыв Веселовского «полупризнанием» своего исследования²⁵¹. Тем не менее его оправдания были восприняты в научном мире скептически²⁵².

В дискуссии со Сташевским отчетливо проявились научно-этические ориентиры Веселовского, который стремился к добросовестному историческому исследованию и требовал от других историков того же. Кроме того, видно, что ученый последовательно отстаивал идею коллективного контроля над научными исследованиями. В дальнейшем он неоднократно защищал эти мысли.

4. А.И. Яковлев: начало научного пути

Следующий представитель младшего поколения Московской исторической школы – Алексей Иванович Яковлев – родился 18 декабря 1878 г. в Симбирске в семье известного чувашского просветителя Ивана Яковлевича Яковлева. Детство будущего историка прошло под пристальным вниманием его отца. По воспоминаниям И.Я. Яковлева: «Сын мой Алексей в детстве и юности был мечтательным, иногда слишком рассеянным, в обыденной жизни веселым, жизнерадостным мальчиком»²⁵³. Отец с детства подметил в мальчике способность к гуманитарным наукам. Следуя своим педагогическим принципам, И.Я. Яковлев постарался дать сыну классическое образование, которое, по его мнению, должно было способствовать будущей карьере ученого. Особенно хорошо его сыну давались древние и иностранные языки: еще до поступления в гимназию он прочитал основные памятники древнегреческой и латинской литературы в подлинниках. Любовь к древней литературе перешла в интерес к ушедшему прошлому. Как пишет И.Я. Яковлев: «Любовь к истории в нем проявилась в детстве: он рано стал с интересом читать книги исторического содержания»²⁵⁴. Но не только языки и история увлекали младшего Яковлева – большой интерес вызвала и философия. Прочтя в детстве и юности труды многих философов, Яковлев тем самым заложил в себе основы к теоретическому мышлению. Большое значение в жизни будущего историка играла религия, к которой он относился очень серьезно. Высокая образованность сочеталась в А.И. Яковлеве с глубокой религиозностью, которую он сохранил на всю жизнь.

Поступив в местную гимназию, Яковлев быстро проявил себя с лучшей стороны: получал хорошие отметки, в учебе отличался прилежанием²⁵⁵. Но из-за конфликта с классным руководителем, которого Яковлев обвинил в том, что тот «подтягивает» учеников за деньги, он окончил гимназию без медали. После окончания среднего учебного заведения молодой человек, уже определившийся со своим будущим, поступил в 1896 г. в Московский университет на историко-филологический факультет. Особенно привлекало выпускника то, что на факультете читал лекции знаменитый Ключевский, с чьими литографированными лекциями он познакомился еще во время гимназической учебы²⁵⁶. Еще до окончания гимназии Яковлев попросил своего знакомого Николая Алексеевича Покровского, обучавшегося на историко-филологическом факультете Московского университета, поделиться своими впечатлениями о занятиях у Ключевского. В ответ он получил восторженное письмо, в котором мэтр-историк превозносился до небес²⁵⁷.

²⁵¹ Сташевский Е.Д. Ответ С.Б. Веселовскому // ЖМНП. Новая серия. Ч. 50. 1914. С. 380–385.

²⁵² П.П. Смирнов – С.Б. Веселовскому. 17 апреля 1914 г. // Переписка С.Б. Веселовского... С. 327.

²⁵³ Яковлев И.Я. Моя жизнь. М., 1997. С. 388.

²⁵⁴ Там же. С. 392.

²⁵⁵ АРАН. Ф. 665 (А.И. Яковлева). Оп. 1. Ед. хр. 214.

²⁵⁶ Там же. Ед. хр. 199. Л. 1.

²⁵⁷ АРАН. Ф. 640 (В.О. Ключевского). Оп. 1. Ед. хр. 8.

В Москве, по рекомендации друга своего отца, А.П. Покровского, Яковлев был представлен И.Д. Цветаеву, который взял его под покровительство²⁵⁸. Благодаря знакомству с Цветаевым Яковлев стал вхож в круги московской интеллектуальной элиты, сохранив со своим покровителем хорошие отношения до его смерти.

В Московском университете начинающий историк попал в неповторимую атмосферу. Лекции по русской истории продолжал читать В.О. Ключевский. В своих воспоминаниях о великом историке Яковлев писал: «В аудитории не особенно людной (налицо было тогда 50-т человек) идет обычный гомон, разговоры, беготня, перекидывание замечаниями и шутками. Но вот наступает положенная лекция в 12.20, дверь открывается и в аудиторию входит согнутая фигура невысокого худощавого человека в виц-мундире, с сединой в гладко причесанных волосах, зачесанных слева на право, и в жиденькой бороде. Под мышкой у старичка огромный портфель нагруженный записками, тетрадями, листочками, книгами, брошюрами, рукописями. Аудитория сразу стихала. Поднявшись на кафедру, Василий Осипович сначала протирает свои очки, а затем погружается на несколько секунд в просматривание своих вынутых из портфеля листков и потом начинает свое изложение. Аудитория замирает на 50 минут (В[асилий] О[сипович] всегда первую лекцию прочитывал). В течение которых звучит его спокойная, отчетливая, прозрачная как хрусталь, грамматически безукоризненная речь, про которую говорится „будет просто, когда поработаешь со сто“. Ни одного небрежного, грубого, вычурного неуклюжего оборота: спокойная, отчетливая, обдуманная, взвешенная, отдыхающая простота, разворачивающая пред зрителями одну картину за другой. Речь В[асилия] О[сиповича] пленяла своей изумительностью оценки, отсутствием в ней всякого лишнего слова, той художественной простотой»²⁵⁹. Начинающий историк оказался полностью очарован исторической схемой Ключевского, в общем-то, следуя ей на протяжении всей своей жизни. В своих воспоминаниях Бахрушин по этому поводу замечал: «Талантливый и яркий А.И. Яковлев, сверкавший оригинальностью и творческой гениальностью своих суждений, всегда умевший подходить к любому вопросу со своей, всегда тонкой и глубокой точки зрения, и тот говорил мне по поводу попыток некоторых приват-доцентов вносить „поправки“ в схему Василия Осиповича, что для него непонятно: „Надо либо целиком ее принимать как она есть, либо строить курс по совершенно новому плану, как сделал Миллюков“»²⁶⁰.

Именно под руководством Ключевского Яковлев еще на первом курсе написал первое самостоятельное историческое исследование – «Вопрос о крепостных крестьянах в „Комиссии для сочинения проекта нового уложения“ 1767–1768 гг.»²⁶¹. Начинающий историк оставался на этой проблеме из-за ее слабой изученности, а также актуальности самого крепостянского вопроса. В своей работе он стремился рассмотреть три аспекта: 1) «как смотрело правительство на крепостное право»; 2) «как смотрели на крепостное право сами сословия и чем обуславливались эти воззрения»; 3) «что на самом деле представляло из себя крепостное хозяйство в XVIII в.»²⁶².

В начале исследования автор обратился к вопросу о происхождении крепостного права. Здесь он оттолкнулся от мысли В.О. Ключевского о том, что крепостное право как юриди-

²⁵⁸ Яковлев И.Я. Указ. соч. С. 355.

²⁵⁹ АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Ед. хр. 119. Л. 4–6. Опубликовано: Тихонов В.В. «Если ты хочешь услышать этого великого ученого и мастера слова, то приезжай в Москву»: Воспоминания А.И. Яковлева. (К 170-летию В.О. Ключевского) // Вестник архивиста. 2011. № 2. С. 138–144.

²⁶⁰ Бахрушин С.В. Из воспоминаний / Публ. А.М. Дубровского // Проблемы социальной истории Европы: От античности до Нового времени. Брянск, 1995. С. 158–159.

²⁶¹ АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Ед. хр. 1.

²⁶² Там же. Л. 211 об.

ческая категория имело своими истоками право холопье²⁶³. «На крепостное право переносятся все приемы холопией неволи... Крепостное право было экономической категорией, выросшей из прежних способов обработки земли». Переход от холопья к крепостному труду автор объяснил тем, что «возделывание земли руками холопов-рабов, как наиболее суровый вид принудительного труда, сделалось менее выгодным, нежели обработка посредством труда, оплачиваемого земельным наделом, предоставляемому крестьянину»²⁶⁴.

Закрепощение крестьян историк, вслед за Ключевским, связывал с «повсеместным задолжанием крестьян помещикам путем долгого и медленного процесса»²⁶⁵. Успех закрепощения автор объяснил тем, что здесь совпали интересы как государства, которому нужны были тяглыцы, так и помещика. По Яковлеву, функция законодательства в сфере крепостного права менялась со временем. Если первоначально оно «направлялось нуждами всего государства», которому необходимы были средства на поддержание армии в боевой готовности, то в XVIII в. крепостное право «окончательно приобрело характер частного института», обслуживавшего интересы дворянства.

В XVIII в. крепостное право, по мнению исследователя, стало служить интересам исключительно дворянства, придя в противоречие с нуждами государственного развития: «...Интересы государства прямо нарушались крепостным правом: 1. повинности в пользу владельца лишали возможность правительство увеличивать прямые налоги, заставляя его входить в прямые долги; 2. крепостное право поддерживало ненормальную густоту населения на нечерноземной полосе...»²⁶⁶.

Ситуацию можно было изменить после «Манифеста о вольности дворянства», так как с освобождением дворян от обязательной службы исчезла обязанность государства гарантировать им бесплатную рабочую силу (крепостных) для экономического поддержания их работы на государство. Тогда правительство имело полное юридическое и моральное право отменить крепостную зависимость. Но, как отмечал автор, «власть у нас продолжала быть неограниченной и самодержавной, но лица, облеченные этой властью были как бы оторваны от нее, случайно попав на самодержавный трон, они сидели на нем нетвердо»²⁶⁷. Поэтому императорская власть была не в силах отменить институт крепостного права, не рискуя вызвать серьезное недовольство дворянства – сословия, от которого оно всецело зависело. Когда правительство Екатерины II инициировало созыв Уложенной комиссии, ему пришлось считаться со всем вышесказанным.

Как отмечал Яковлев, сама Екатерина II была последовательной сторонницей отмены крепостного права, и если бы она проявила достаточно твердости, то вполне могла бы «продавить» законопроект если не об его отмене, то хотя бы о существенном ограничении. Но «она по природе отличалась гибким характером, да и привыкла гнуть его по требованиям обстоятельств»²⁶⁸.

В своем исследовании Яковлев рассмотрел позиции различных социальных групп в Уложенной комиссии по вопросам крепостного права. Он заметил, что изначально «крепостной вопрос... был поставлен в очень неблагоприятные условия, так как в комиссии не было депутатов от крепостных и возбуждение его было предоставлено на произвол дворян и других сословий»²⁶⁹. Дворянство в массе своей признавало нормальным существую-

²⁶³ Ключевский В.О. Происхождение крепостного права в России // Ключевский В.О. Сочинения в 9 томах. М., 1990. Т. VIII. С. 124, 192.

²⁶⁴ АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 213–213 об.

²⁶⁵ Там же.

²⁶⁶ Там же. Л. 220.

²⁶⁷ Там же. Л. 228 об.

²⁶⁸ Там же. Л. 229.

²⁶⁹ Там же. Л. 230–230 об.

щее положение дел. Тем не менее оно «не развилось еще до осознания юридической неприкосновенности своих привилегий, оно не успело сомкнуться настолько, чтобы потребовать от правительства каких-либо новых преимуществ... и только умело просить об укреплении и выяснении своих прежних прав»²⁷⁰. Но были случаи, когда помещики сами ратовали за ослабление крепостного порядка. С точки зрения историка, причины этого заключались в экономической сфере, поскольку более свободный крепостной приносил больше дохода своему владельцу. Купечество также не стремилось поддержать отмену крепостного права. Единственным чаянием купеческого сословия было получение дворянских привилегий, что свидетельствовало об отсутствии развитого самосознания у купечества.

Таким образом, по мнению Яковлева, деятельность Уложенной комиссии наглядно показывает, что русское общество еще не было готово к отмене крепостного права. Те немногочисленные проекты, в которых речь шла об ограничении прав помещика на крестьян, рассматривали крепостное право с экономической точки зрения. Автор выделил две группы таких проектов: в первую он отнес те, где предлагали предоставить крестьянам свободу без земли, во вторую – те, где предполагалось предоставить землю без личной свободы²⁷¹. Таким образом, Яковлев сделал вывод, что нерешительность правительства и неготовность общества не позволили достичь в работе Уложенной комиссии прогресса в вопросе крепостного права.

За эту работу Ключевский поставил начинающему историку высшую оценку «весьма удовлетворительно» и присудил золотую медаль на конкурсе студенческих работ²⁷². Так же высоко было оценено исследование Яковлева «Пьер Бейль как предшественник века Просвещения», написанное на четвертом курсе, за которую профессор кафедры зарубежной литературы Н.И. Сторожевский присудил автору серебряную медаль²⁷³.

Показав себя незаурядным и трудолюбивым исследователем, Яковлев, тем не менее, не замыкался исключительно на учебе. В конце XIX – начале XX в. обстановка в общественной среде Российской империи накалилась. Контрреформы Александра III и нежелание нового правителя Николая II идти на уступки требованиям общественности создали ситуацию, когда малейший повод мог привести к открытым проявлениям недовольства. В авангарде антиправительственного движения традиционно стояло университетское студенчество. Не избежал подобных настроений и Яковлев.

К этому времени относится его увлечение марксизмом. Блестяще владея многими иностранными языками, Яковлев перевел с немецкого языка работу В. Зомбарта «Социализм и социальное движение в XIX веке» и труд Т.С. Пепина «Страна рабочих клубов»²⁷⁴. В 1899 г. в стране началась всеобщая студенческая забастовка из-за ужесточения университетских правил, в которой Яковлев активно участвовал²⁷⁵. Он входил в Исполнительный комитет бастовавших студентов Московского университета. Из-за инцидента со студентом Дурново, которого Яковлев ударил за то, что тот призывал завершить забастовку, его исключили из университета²⁷⁶. В ночь на 11 апреля в квартире Яковлева был проведен обыск и изъяты письма и книги, а сам историк вскоре уехал домой в Симбирск. Его переводы социалисти-

²⁷⁰ Там же. Л. 234.

²⁷¹ Там же. Л. 278 об.

²⁷² Там же. Ед. хр. 274. Л. 18.

²⁷³ Там же. Ед. хр. 2.

²⁷⁴ Там же.

²⁷⁵ Подробнее см.: Гусятников П.С. Революционное студенческое движение. М., 1971. С. 35–38; Соломонов В.А. Об участии московского студенчества в первой всероссийской забастовке 1899 года // История России: диалог российских и американских историков. Саратов, 1994. С. 148–155.

²⁷⁶ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 80. Т. 1; Д. 408.

ческих книг были уничтожены²⁷⁷. Первоначально предполагалось навсегда исключить его из университета: ректор Д.Н. Зернов даже подписал соответствующие бумаги. Но на защиту Яковлева встали весьма влиятельные люди. О его прощении ходатайствовали И.Д. Цветаев и В.О. Ключевский. Другом Яковлева был С.А. Попов, племянник Д.Н. Зернова, что тоже способствовало благополучному решению дела. Сохранилось письмо Яковлева своему учителю, где он утверждал, что не имеет никакого отношения к студенческому движению²⁷⁸ (хотя другие документы свидетельствуют об обратном). За Яковлева перед В.О. Ключевским просили студенты²⁷⁹, а сам он послал Д.Н. Зернову письмо, где говорил: «Он написал прекрасное сочинение по русской истории для соискания медалей, когда еще состоял на 1-м курсе: редкий случай в истории русских университетов... По неоднократным беседам с ним я составил себе понятие о нем как о благовоспитанном и образованном молодом человеке, даровитом и вдумчивом, с живой научной наблюдательностью... Если Вы поможете смягчению его вины и возможному облегчению постигшей его кары, Вы, может быть, спасете прекрасного работника для русской науки и школы. Я со своей стороны готов вполне поручиться за его благонадежное поведение по возвращении в Московский университет»²⁸⁰.

Благодаря заступничеству профессуры Яковлева вернули в Московский университет, который, несмотря на все перипетии, он благополучно окончил в 1900 г., удостоившись диплома первой степени²⁸¹. Впоследствии он не принимал активного участия в общественно-политической жизни страны, хотя и отличался самостоятельными взглядами. После окончания университета перед ним встал выбор: начать карьеру ученого или посвятить себя другому делу. В.О. Ключевский настоятельно рекомендовал оставить его при факультете для подготовки к профессорскому званию. Свою поддержку выразил отец, обещав всячески помогать сыну в первое, самое трудное время начала его профессиональной научной деятельности: «Я с своей стороны считаю за лучшее остаться тебе при университете, у Ключевского, и с своей стороны готов высылать тебе ежемесячно до 60–65 рублей, только бы ты занимался и поскорее выдержал магистерский экзамен»²⁸².

Получив поддержку, молодой историк в течение трех лет готовился к магистерским экзаменам, которые он успешно сдал к 1904 г. После чтения пробных лекций его пригласили работать в Московский университет на должность приват-доцента. Началось время активной педагогической и научной работы. В университете он вел курсы по историографии и методологии истории, а также ряд отдельных семинаров, например, по истории крестьянства в XIX в.²⁸³. Интерес к теоретическим вопросам исторического познания выразился в том, что молодой историк начал писать фундаментальное методологическое исследование под названием «Эгерсис». Работу над этим исследованием ученый не прекращал на протяжении практически всей своей жизни.

Большой интерес представляет его историографический курс. В личном архивном фонде историка остались программы и планы его семинариев по русской историографии, проведенных в Московском университете в октябре 1907 г.²⁸⁴. Кроме того, сохранились лекции, читанные на высших женских курсах в 1908/1909 г.²⁸⁵. Лекции являли собой не всегда

²⁷⁷ АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Ед. хр. 390. Л. 10 об.

²⁷⁸ НИОР РГБ. Ф. 131 (В.О. Ключевского). Ед. хр. 76. Л. 1.

²⁷⁹ Ключевский В.О. Дневники и дневниковые записи // Ключевский В.О. Сочинения в 9 томах. М., 1990. Т. IX. С. 311.

²⁸⁰ Там же. С. 489.

²⁸¹ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 310. Д. 1102. Л. 6.

²⁸² Яковлев И.Я. Письма. Чебоксары, 1985. С. 237.

²⁸³ АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Ед. хр. 121.

²⁸⁴ Там же. Оп. 1. Ед. хр. 169.

²⁸⁵ Там же. Ед. хр. 123.

систематизированные заметки, планы и выписки касательно истории отечественной исторической науки. Яковлев не писал лекцию целиком от начала до конца, а набрасывал план выступления, делал выписки из источников, располагая их в необходимой последовательности, чтобы воспроизвести необходимую цитату в нужный момент. Очевидно, что он работал над лекционным материалом неоднократно. Первый комплекс материалов помещен в левой части листов, на которых писались лекции, и написан чернилами. Для последующих дополнений оставлены широкие поля, занимающие практически половину листа. Синим карандашом на полях оставлены заметки, в которых мы находим замечания, размышления и оценки Яковлевым деятельности тех или иных историков, школ и направлений.

В 1938 г., очевидно, на основе своих дореволюционных учебных курсов Яковлев прочитал лекции по истории исторической науки. До нас дошли стенограммы двух его выступлений: о В.Н. Татищеве и Н.М. Карамзине²⁸⁶. Учитывая общность происхождения, мы вправе рассматривать (с определенными оговорками) до- и послереволюционные материалы как единый комплекс.

Изучение истории исторической науки Яковлев вел с учетом достижений своих предшественников. Он мог опереться на известные работы С.М. Соловьева, П.Н. Милюкова, М.О. Кояловича, В.С. Иконникова. Прослушал он и неопубликованный курс лекций по русской историографии В.О. Ключевского. Несмотря на то что в трудах указанных авторов Яковлев почерпнул многое из того, что составило основу его историографических взглядов, немало в его выводах было и индивидуальных черт. Вначале стоит отметить, что Яковлев давал достаточно широкое толкование термина «историография». Фактически он понимал под ним не только историю исторического знания, но и развитие источниковой базы, и методологию исторической науки. Так, в программах его семинаров значительное внимание уделено источникам русской истории и методам их анализа²⁸⁷. Впрочем, подобный подход к историографии был вполне типичным для того времени, когда историографию часто смешивали с источниковедением, не видя между ними принципиальных отличий.

Историю исторического знания Яковлев начинал с летописного периода, который продолжался с XI до XVII в. Исследователь отмечал компилятивный характер летописных сводов. В основу определения дальнейшей эволюции историк положил формальный принцип компоновки материалов. Он определил ее как «спрессование» огромных, непригодных для индивидуального чтения сводов в более компактные сочинения общего характера.

Типичным примером такого произведения был «Синописис», основанный на произведении Феодосия Сафоновича. По мнению исследователя, Сафонович, воспитанный в западно-русской традиции, «поставил себе задачу переработать польскую схему в схему русскую»²⁸⁸, но так и не сумел отойти от западнорусской традиции и создать исторический труд общерусского характера. Поэтому «Синописис», по существу, освещал историю Западной Руси. С точки зрения Яковлева, в «Синописисе» преобладали два мотива: мотив библейский и мотив борьбы с татарами²⁸⁹. Среди главных недостатков данного сочинения, как и всей историографии XVII в., историк называл фрагментарность изложения и опору не на летописи, а на их пересказ в различных польских исторических сочинениях. Поэтому основной задачей последующих историков в XVIII в. должно было стать изучение летописного материала.

Анализируя ход развития отечественной историографии в XVIII в., Яковлев, вслед за П.Н. Милюковым²⁹⁰, отмечал огромное влияние «Синописиса». Данная работа в первую оче-

²⁸⁶ Там же. Ед. хр. 151.

²⁸⁷ Там же. Ед. хр. 169. Л. 1.

²⁸⁸ Там же. Ед. хр. 151. Л. 4–5.

²⁸⁹ Там же. Л. 6.

²⁹⁰ Милюков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. М., 2006. С. 22.

редь определяла политическую направленность исторических трудов: «религиозно-националистическая игра света, брошенная „Синописом“, на все протяжении столетия идет независимо и вне всякого влияния со стороны научной разработки исторической темы»²⁹¹.

Историк, следуя традиционным представлениям, открывал XVIII в. деятельностью В.Н. Татищева. Он считал, что работу этого ученого определяли общие условия развития отечественной исторической науки. Так, в его трудах возобладал прагматический подход к изучению прошлого, столь характерный для петровского времени. В историческом исследовании Татищев видел в первую очередь ответ на злободневные вопросы современности. По мнению Яковлева, он еще не был готов изучать историю с научной точки зрения. Причиной этому было то, что «для развития нужны традиции, нужна соответствующая среда»²⁹². Но когда Татищев начинал свою деятельность, этой среды не было. Запросы времени были совершенно иными. Отсутствие соответствующей среды и традиции привело и к тому, что у Татищева не было цельного взгляда на русскую историю. «У Татищева нет общих идей. Его история – лучший образец того, что может быть сделано при помощи одного трудолюбия без общих понятий и идей»²⁹³, – отмечал Яковлев. По мнению автора, Татищев не различал исторического исследования и исторического источника. Подводя итоги, он написал: «Труд Татищева – сложная мозаика небольших диссертаций, трактатов, подготовительных исследований, объединенных в хрестоматию механически. Его работа – настоящая историческая кунсткамера»²⁹⁴. Несмотря на это, Яковлев подчеркивал значение труда Татищева как первый опыт создания целостной истории России.

В лекции 1938 г. ученый большое внимание уделил проблеме так называемых «татищевских известий», т. е. вопросу достоверности приводимых Татищевым сведений. Он утверждал, что нет причин не доверять «отцу русской историографии», а все недоразумения происходят от несовершенства научной методики Татищева: «Он известий не сочинял и не придумывал, а только не умел разобрать их в перспективе и грубо соединял, не задумываясь, из какого источника он их берет»²⁹⁵.

Отдельные замечания мы находим и о «риторическом направлении», представителями которого были М.В. Ломоносов, Ф. Эмин и И.П. Елагин. По мнению Яковлева, оно возникло как ответ на придворные запросы эпохи Елизаветы: «В чаду дворцового праздника и сложился особый исторический жанр»²⁹⁶. Причем историк отмечал, что работы М. Ломоносова были стилистически выше, чем работы Ф. Эмина и И. Елагина.

Значительное внимание уделено А.Л. Шлецеру. Заслугой немецкого историка Яковлев считал то, что он познакомил отечественную историографию с достижениями современной ему европейской исторической науки. Он дал образец работы с летописным материалом. Тем не менее, по мнению Яковлева, Шлецер, предложив плодотворные приемы анализа древних летописей, сделал совершенно неверные выводы. «У Шлецера мы научились приемам изучения летописи, но он не оставил нам верного взгляда на самую летопись»²⁹⁷. Еще одним достижением Шлецера стало рассмотрение истории России сквозь призму всемирно-исторического развития. В данном подходе Яковлев видел зачатки сравнительно-исторического метода.

²⁹¹ АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Ед. хр. 169. Л. 53.

²⁹² Там же. Ед. хр. 123. Л. 47.

²⁹³ Там же. Л. 49 об.

²⁹⁴ Там же.

²⁹⁵ Там же. Ед. хр. 151. Л. 32.

²⁹⁶ Там же. Ед. хр. 123. Л. 2.

²⁹⁷ Там же. Л. 32 об.

Подводя итоги рассмотрению эволюции исторического знания в XVIII в., Яковлев традиционно делил историков на русских и немецких. Он отмечал, что «работа немецких исследователей шла более сосредоточенно и концентрированно»²⁹⁸. Каждый из них внес определенный вклад в развитие отечественной историографии. Г.З. Байер исследовал иностранные источники, Г.Ф. Миллер сконцентрировал свое внимание на розыске и изучении русских источников, а А.Л. Шлецер – на источниковедческом анализе летописей.

Если русские историки пытались дать обобщающие исследования по русской истории, то немецкие, с присущим им профессионализмом, сконцентрировались на изучении конкретных тем. Они поняли, что только это «может вывести науку вперед из заколдованного круга общих рассуждений и слов»²⁹⁹. Из русских историков только И.Н. Болтин приблизился к данному подходу. По мнению Яковлева, И.Н. Болтин усвоил или самостоятельно дошел до современных ему методов исторического исследования, но он не дал систематического анализа русской истории.

Таким образом, по мнению Яковлева, развитие исторического знания в России XVIII в. шло по пути «спрессования»: от обширных летописей исследователи перешли к обобщающим работам по русской истории, а затем назрела необходимость монографического изучения.

Переход от XVIII в. к новой эпохе историк связывал с Н.М. Карамзиным. Существенным подспорьем в работе Карамзина было то, что он уже имел предшественников, на труды которых мог опереться. Но историограф не сумел дать научной картины развития русской истории, поскольку писатель в нем нередко брал верх над историком. Тем не менее Яковлев считал, что деятельность Карамзина получила незаслуженно низкую оценку в историографических исследованиях. Основная задача Карамзина состояла в собирании и систематизации нового материала, и он с ней справился. «„Две полки“ изданного материала – великое их значение не только в смысле напечатания, но главное – отыскания и приведения в порядок. Он впервые сделал известной эту обработку. Надо было срастить этот материал, сделать работу синтеза»³⁰⁰. Труд Карамзина заменил «Синописис», дав обобщенную картину, с которой могли работать последующие историки. К сожалению, Карамзин, впитав в себя достижения предыдущей историографии, не усвоил новейших методов изучения истории – отсюда слабые стороны его «Истории Государства Российского». Несмотря на это, именно труды «Колумба древностей российских» способствовали расцвету отечественной исторической науки. Он дал как готовый материал для размышлений, так и, сам того не желая, объект для критики.

С точки зрения Яковлева, главная причина непреходящего успеха трудов историографа заключается в том, что «Карамзин, может быть, часто людей понимал по-своему, но он людьми интересуется, за это ему были благодарны, за это его будут читать»³⁰¹. Яковлев отмечал, что историку нельзя забывать, что история творится конкретными людьми. Профессионал не должен превращать знание о прошлом в безличный процесс.

Ответом на недостатки и перегибы «Истории государства Российского» стало появление скептического направления. Во главе «Скептической школы» встал М.Т. Каченовский. По характеристике Яковлева, это был «талантливый, но без школы замотавшийся человек»³⁰². Каченовский перенял новейшие достижения западной историографии, в частности идеи Б.Г. Нибура и Ф.К. Савиньи, но не вполне сумел их применить на практике. «Он начал

²⁹⁸ Там же. Л. 53 об.

²⁹⁹ Там же.

³⁰⁰ Там же. Л. 65.

³⁰¹ Там же. Л. 67 об., 82 об.

³⁰² Там же. Л. 105.

критиковать в кредит, во имя идеи органического развития, в то время, когда ни понимания, ни изображения этого органического развития еще не было. Это был математический прием – предполагали, что „А“ есть величина извечная»³⁰³.

И все же «Скептическая школа» обогатила русскую историческую науку новыми идеями, главными из которых были сравнительно-исторический анализ и органическое развитие общества. Впоследствии произошел распад школы: «Скептицизм был критикой во имя идеи органического развития. В дальнейшем, группа учеников Каченовского этот синтез разложила: одни ударились в скептицизм, другие стали применять идею органического развития»³⁰⁴.

Среди оппонентов Карамзина Яковлев отмечал и П.А. Полевого. В то же время он разграничивал труды последнего и деятельность «Скептической школы». Полевой отразил многие черты, присущие его времени. Как и скептики, он скорее поставил вопросы, чем успешно решил их. «Он говорит о сравнении, об органическом росте, о критике, но не дает ни того, ни другого, ни третьего»³⁰⁵, – резюмирует Яковлев.

Дальнейшее развитие отечественной историографии в дореволюционном рукописном курсе лекций Яковлева очерчено весьма фрагментарно. Практически исчезают пометки, несущие основную смысловую нагрузку, остаются только цитаты. Впрочем, надо отметить, что развитие государственной школы он, судя по его указаниям, давал по П.Н. Милюкову. Большое внимание он уделил славянофильству. Он разделил это течение на два поколения: старшее и младшее. К младшему поколению были причислены Н.Я. Данилевский и К.Н. Леонтьев. Яковлев считал, что их исторические построения не соответствуют реальности и являются философскими спекуляциями. В данной позиции прослеживаются взгляды и самого Яковлева, который придерживался позитивистской методологии и считал, что Россия в своем развитии повторяет путь Западной Европы, а это противоречило взглядам указанных мыслителей.

А.И. Яковлев, несмотря на то что историография никогда не была главным направлением его исследований, оставил интересное наследие в области истории исторической науки. Во многом он продолжал традицию историографических работ Московской исторической школы, в первую очередь П.Н. Милюкова³⁰⁶. Главным объектом его анализа становились не отдельные историки, а школы и направления. Пристальное внимание ученый уделял выявлению преемственности. Он всегда старался определить социально-политические предпосылки появления историографических течений, тем самым показав сложный и многообразный процесс создания исторических знаний.

Одновременно с Московским университетом он преподавал на Московских высших женских курсах. Под его редакцией вышли в качестве учебных пособий сборники документов для студентов Московского университета и слушательниц курсов³⁰⁷. В Московском университете молодой преподаватель сразу стал заметной фигурой. Впоследствии своим учителем его считали такие известные историки, как А.А. Новосельский и Б.Б. Кафенгауз, учившиеся в то время в университете. В советское время в одном из своих писем Яковлеву уже маститый ученый Б.Б. Кафенгауз вспоминал: «Я перенесся мысленно к зиме и весне 1915–1916 гг., когда я студентом занимался у Вас на семинаре по освобождению крестьянства. Я перешел к Вам после двух лет интересных и полезных занятий у Михаила Михайловича Богослов-

³⁰³ Там же. Л. 111.

³⁰⁴ Там же. Л. 112.

³⁰⁵ Там же. Л. 117 об.

³⁰⁶ *Киреева Р.А.* Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX до 1917 г. М., 1983. С. 120.

³⁰⁷ *Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства* / Под ред. А.И. Яковлева. М., 1909.

ского по истории Пскова XIV–XV вв. и истории крестьянства в XVII в. на Севере. Захотелось после этого заняться историей XIX в., и к тому же Ваш семинар явился для меня продолжением занятий историей русской деревни... Вы отнеслись ко мне очень внимательно. Я написал большой реферат по новым, недавно тогда лишь изданным материалам Государственного совета и Главного комитета. И когда я пришел к Вам на дом на Волхонку за своей работой, Вы ее одобрили. Впоследствии Вы с Ю.В. Готье представили меня за эту работу к премии от историко-филологического факультета. И товарищи стали говорить, что я буду научным работником. Работа над рефератом и Ваше одобрение доставили мне тогда много радости – все это, как видите, не забывается, и студенческие впечатления остаются на всю жизнь»³⁰⁸. Вообще Яковлев имел редкий педагогический дар увлекать молодежь научной работой. В семинариях ученого занимался и в будущем крупнейший русско-американский историк Г.В. Вернадский³⁰⁹.

В скором времени после начала научной и преподавательской карьеры молодой ученый женился на выпускнице Казанской художественной школы Ольге Петровне Приклонской, талантливой художнице, авторе знаменитого карандашного портрета В.О. Ключевского. В 1906 г. у молодой четы родилась дочка Наталья (всего у Яковлева и Ольги Петровны за их долгую совместную жизнь родилось трое детей³¹⁰). После этого остро встал вопрос о необходимости содержать семью. Благодаря хорошим отношениям с Ю.В. Готье в 1906 г. Яковлев устроился работать в Румянцевском музее на должность старшего помощника библиотечаря³¹¹. Тем не менее напряженная деятельность не приносила материального благополучия: семейство Яковлева оставалось небогатым. Неустроенность быта, однако, не мешала историку помогать приезжим коллегам. В письме А.Е. Преснякова от 18 декабря 1909 г. находим следующую запись: «У Алексея Ивановича – тесно, у него народу много, а какого – определить не очень умею... В комнате, где я помещаюсь, работает за столом Алексей Яковлев»³¹².

Параллельно с работой в музее историк продолжал научно-исследовательский труд. Яковлева в первую очередь интересовали малоразработанные темы, требующие большой архивной работы. На долгие годы Московский архив Министерства юстиции становится его вторым домом. Он увлекается разбором архива Приказа сбора ратных людей, активно изучает проблемы истории русской колонизации. В это время окончательно складываются научные интересы и исследовательский почерк ученого. В методологическом плане он, в основном, придерживался позитивизма. Для работы историка характерной чертой становится стремление исследовать как можно больше архивного материала, предельно насытить свои работы фактами. Центром его научных изысканий становится XVII в. – эпоха во всех отношениях переходная. В это время в истории России происходит, с одной стороны, зарождение и медленное развитие тех общественно-экономических явлений, которые станут определять историю России XVIII в., а с другой – доживают свой век архаические элементы московской социально-политической системы. Яковлева интересовало в первую очередь последнее.

В ходе работы Яковлев сблизился с глубоким знатоком московских архивов, С.Б. Веселовским. Между ними установились дружеские и подчеркнуто уважительные отношения. С.Б. Веселовский в то время активно трудился над изучением сошного письма (системы налогообложения в Московском царстве). Эта проблема оказалась близка Яковлеву в связи с

³⁰⁸ АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Ед. хр. 337. Л. 2–2 об.

³⁰⁹ Вернадский Г.В. Из воспоминаний // ВИ. 1995. № 1. С. 132.

³¹⁰ Краснов Н.Г. Иван Яковлев и его потомки. Чебоксары, 1998. С. 309.

³¹¹ Коваль Л.М. Князь В.Д. Голицын и Румянцевский музей. М., 2007. С. 104, 112 и др.

³¹² Пресняков А.Е. Письма и дневники. 1889–1927. СПб., 2005. С. 656.

изучением деятельности Приказа сбора ратных людей и разверстки налогов на содержание Засечной черты. Веселовский стал постоянным собеседником и консультантом ученого.

В 1909 г., в связи с тридцатилетием педагогической деятельности В.О. Ключевского, в научных кругах возникла идея опубликовать в честь этого события сборник. В подготовке сборника Яковлев, который до конца жизни сохранил благоговейное отношение к В.О. Ключевскому, сыграл одну из ключевых ролей, решая массу проблем организационного характера³¹³. Именно в сборнике в честь В.О. Ключевского была опубликована первая крупная работа Яковлева – статья «Безумное молчание».

Исследование было посвящено массовой психологии периода Смутного времени, в ней историк обратил внимание на «психологическое перерождение общества». Психологические аспекты Смутного времени отмечались еще С.М. Соловьевым, В.О. Ключевским и С.Ф. Платоновым, но в работе тогда еще молодого, начинающего историка они получили конкретно историческое содержание. Если С.М. Соловьев исходил из абстрактной мысли падения общей нравственности в результате опричнины³¹⁴, то Яковлев на основе источников показал сложный путь перерождения массовых настроений, тесно связав их с ходом Смуты. Ключевым термином, которым в данном случае оперировал автор, был термин «общественное сознание». Еще В.О. Ключевский указывал на изменение «политического сознания» после событий Смутного времени³¹⁵. Но Яковлев в данном случае выбрал более нейтральный и уместный термин, который указывал не на осмысленную политическую позицию, а именно на сознание, в котором выделяется и иррациональная составляющая.

С его точки зрения, «русские люди пережили в Смуту сложный психологический перелом... Начав Смуту очень беспечно, с легким сердцем пустившись в авантюры самозванщины, они кончили Смуту с прояснившимися в их сознании понятиями общего блага, отечества и государства»³¹⁶. Автор проследил, как менялось массовое сознание в данный период. Если вначале письменные памятники рассматривали Смуту как «умножение грехов», т. е. в русле традиционных провиденциальных концепций, то по мере развития кризиса в источниках появляется идея «общественной ответственности и общественной организации», когда вина за грехи падает на всех. Тем самым в обществе родилось стремление исправить положение дел. Более того, по мнению автора, «прояснение в руководящих элементах русского общества идеи ответственности сделалось, вероятно, поворотным моментом в развитии событий Смуты... почувствовав себя ответственными за политический порядок, они не могли не почувствовать себя и хозяевами его»³¹⁷.

В статье Яковлева мы наблюдаем понимание и того, что менталитет людей ушедших эпох отличался от психологии современного человека. «Итак, современники Смуты видели источник ее не столько в политических или экономических кризисах XVII века, – вывод, к которому пришла современная историография, – а в „грехах“, в той нравственной неурядице, которой, по их мнению, страдало русское общество»³¹⁸.

В работе автор использовал в основном хорошо знакомые ученым исторические источники: повести Смутного времени, летописные известия и т. д. Но исследователь подошел к уже известному материалу с другой точки зрения, нежели предыдущие историки. Новаторство статьи не подлежит сомнению. Яковлев предложил, используя современную терми-

³¹³ Богословский М.М. Ключевский – педагог // Богословский М.М. Историография, мемуаристика, эпистолярная. М., 1987. С. 62.

³¹⁴ Иллерицкий В.Е. Сергей Михайлович Соловьев. М., 1980. С. 123.

³¹⁵ Ключевский В.О. Курс лекций по русской истории // Сочинения в IX томах. Т. III. М., 1988. С. 62–63.

³¹⁶ Яковлев А.И. «Безумное молчание» // Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому. М., 1909. С. 652.

³¹⁷ Там же. С. 676–677.

³¹⁸ Там же. С. 678.

нологию, историко-антропологическое исследование, ценность которого велика и сейчас. Статья на долгие годы стала обязательным чтением для специалистов по истории Смутного времени. Насколько благосклонно научное сообщество приняло работу молодого историка, свидетельствует тот факт, что, рецензируя книгу Г.В. Плеханова «История русской общественной мысли», А.А. Кизеветтер упрекнул ее автора, утверждавшего, что Смута не повлияла на общественные настроения, в незнании статьи Яковлева. «Напрасно наш автор не посчитался с прекрасной статьей А.И. Яковлева „Безумное молчание“... где весьма тонко очерчена эволюция общественных взглядов, отразившаяся в записках современников о Смуте»³¹⁹. Тем не менее те тенденции, которые проявились в данной работе, в дальнейшем не стали определяющими в его научном творчестве.

5. С.В. Бахрушин: формирование научного мировоззрения

Самым младшим представителем данной генерации московских историков был С.В. Бахрушин. Он на несколько лет позже закончил историко-филологический факультет, но с Яковлевым они стали друзьями³²⁰. С.В. Бахрушину также весьма помогли советы С.Б. Веселовского. Они навели начинающего исследователя на архивные материалы, связанные с историей Сибири, ставшей центральной темой в творчестве С.В. Бахрушина³²¹.

Бахрушин был выходцем из известного московского купеческого рода³²². Он родился 26 сентября 1882 г. До 12 лет он обучался дома, после чего учился в лицее в память цесаревича Николая. Интерес к истории в нем проснулся довольно рано: «У меня очень рано стал появляться интерес к истории. Мальчиком я зачитывался историческими рассказами»³²³. Большое значение для ребенка имела поездка в Херсонес, после которой он увлекся античной культурой. Не менее стимулировали внимание Бахрушина к истории и те исторические пьесы, которые он посетил в театре. Летом 1898 г. в Московском художественном театре он смотрел известную трилогию А.К. Толстого «Смерть Ивана Грозного», «Царь Борис» и «Царь Федор Иванович». Постановка произвела неизгладимое впечатление на молодого человека. «Художественный реализм постановки не только пленил меня, но он помогал мне избавиться от традиционных трафаретных представлений, приближая меня к пониманию исторической действительности, освобождая от сентиментальной идеализации и от безвкусного приукрашения этой действительности. Я могу сказать, что Художественный театр явился, таким образом, одним из первых моих учителей в области истории»³²⁴, – вспоминал он впоследствии.

Все это предопределило его поступление на историко-филологический факультет Московского университета в 1900 г. Не все преподаватели пленили начинающего студента. Так, знаменитый В.И. Герье показался студенту слишком формальным и несовременным: «Его лекции напоминали мне произведения академической живописи, где все условно, красиво, рисунок вычерчен с величайшей тщательностью, но души, жизни, выражения нет»³²⁵. Тем не менее впоследствии историк признавал для себя пользу занятий с Герье. Еще меньше интереса вызвали преподаватели философии, к которой, впрочем, сам Бахрушин не имел склон-

³¹⁹ Кизеветтер А.А. Новый труд Г.В. Плеханова по русской истории // Голос минувшего. 1916. № 1. С. 333.

³²⁰ См. переписку: АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Ед. хр. 295.

³²¹ Дубровский А.М. С.В. Бахрушин и его время. М., 1992. С. 37.

³²² Подробнее о роде Бахрушиных см.: Филаткина Н.А. Династия Бахрушиных: эволюция московских предпринимателей XIX – начала XX в. М., 2006.

³²³ Цит. по: Дубровский А.М. С.В. Бахрушин и его время. М., 1992. С. 16.

³²⁴ Воспоминания С.В. Бахрушина о Московском художественном театре / Публ. А.М. Дубровского // АЕ. 1997. М., 1999. С. 558.

³²⁵ Бахрушин С.В. Из воспоминаний... С. 163.

ности, что отразилось на его исследованиях, предельно конкретных и избегающих отвлеченных концепций.

Огромное впечатление на молодого историка произвели лекции П.Г. Виноградова: «Никогда после ни у кого из самых талантливых преподавателей я не встречал такой ясности мысли, строгости плана, систематичности и последовательности изложения... Виноградов брал источник, подвергал его тонкому критическому анализу и, разрушив усвоенную нами на гимназической скамье традицию, подводил итоги произведенной критической работе»³²⁶. Таким образом, также как и другие представители Московской исторической школы, он попал под сильнейшее влияние виноградовских лекций и семинаров, ставших важной частью его становления как профессионального историка.

Под впечатлением работы с Виноградовым и следуя интересам, сложившимся в детстве, Бахрушин хотел специализироваться на истории античности, но все изменили лекции Ключевского. «Для многих, и для говорящего в том числе, его лекции явились поворотным моментом в жизни, направив их интересы по новому руслу и предопределив ход всей последующей их работы... Это был Сократ русской исторической науки... Для всех последующих русских историков... лекции В.О. Ключевского были тем светильником, который озарял первые их шаги по пути познания нашего прошлого»³²⁷. Несмотря на это признание, впоследствии, при ломке своего научного мировоззрения, Бахрушин более критически подходил к наследию своего учителя.

Запомнились студенту историко-филологического факультета и занятия с Н.А. Рожковым, бывшим тогда молодым приват-доцентом. Поначалу его спецкурс не заинтересовал Бахрушина из-за своей, как ему показалось, элементарности по сравнению с лекциями Ключевского. Несмотря на оригинальность мысли, по мнению Бахрушина, идеям Рожкова был присущ «провинциализм». Также Рожкову мешало то, что во многом под давлением обстоятельств он никогда не мог окончательно проработать свою концепцию русской истории. Тем не менее Бахрушин признавал, что «у Рожкова много умных и интересных мыслей, и его историческая схема, как она сложилась в его многотомной „Русской истории“, мне кажется, в основе построена верно»³²⁸.

Кандидатское сочинение Бахрушин писалось под руководством М.К. Любавского и получило название «Социально-политические стремления московского боярства в XVI веке»³²⁹. Оно была посвящено изучению общественно-политической мысли времен Ивана Грозного. Работа была написана в фирменном для московских историков стиле: анализ политических идей боярской аристократии проводился через призму классовой сущности боярства на широком социально-политическом фоне. Безусловно, истоками данного подхода была знаменитая работа В.О. Ключевского «Боярская дума древней Руси».

Сочинение открывалось обширным обзором общих тенденций эволюции Московского государства в XVI в. Следуя традиционному пониманию сущности государственного строя Московского царства, Бахрушин акцентировал внимание на его «военном характере», внутренним выражением которого была установившаяся тягловая система, отличавшаяся высокой степенью централизации и требовавшая непомерных усилий от общества³³⁰. Но Бахрушин не соглашался с популярным взглядом на государство, как на разросшуюся вотчину московского князя. По его мнению, те вызовы, которые встали перед страной, невозможно было решить при помощи устаревшего механизма вотчинного хозяйствования и управле-

³²⁶ Там же. С. 162.

³²⁷ АРАН. Ф. 624. Оп. 2. Ед. хр. 70. Л. 2 об.

³²⁸ Бахрушин С.В. Из воспоминаний... С. 160.

³²⁹ АРАН. Ф. 624. Оп. 1. Ед. хр. 350.

³³⁰ Там же. Л. 120.

ния. «Это государство брало на себя очень широкие задачи: оно вызывалось оберегать своих подданных от внешних и внутренних врагов, от неверных басурман извне и от воров и лиходеев внутри. Для выполнения этой задачи требовались обширные средства, коих не могла доставить государству старая удельная система эксплуатации вотчин как частных владений хозяина-князя»³³¹. Такое понимание сущности московского строя хотя и отталкивалось от мыслей Ключевского о двойственном характере власти великого князя, совмещавшего права вотчинника и государя³³², тем не менее имело более законченный (хотя и менее объективный) вид. Мысль Бахрушина была ближе к идее М.К. Любавского об окончательном переходе вотчинного мышления в управлении к государственному³³³. Стоит отметить, что такой взгляд на сущность государственного строя Московского царства отличался большей сложностью, чем несколько односторонние концепции, заключавшиеся в абсолютизации его вотчинного характера³³⁴. К сожалению, эти идеи были с «радостью» восприняты многими ангажированными западными специалистами³³⁵.

Вотчинная система начала формироваться еще в XIV в. и оформилась в общих чертах к началу XVI в. В изображении Бахрушина установившийся социально-политический строй «всюду немилосердно давил все самобытное, все жизнеспособное, все казавшееся ему опасным или неудобным»³³⁶. Основой порядка стала бюрократия. Несмотря на гипертрофированную централизацию, Московское государство, по мысли автора, было весьма устойчивым, поскольку соответствовало «органическому развитию страны и общества»³³⁷.

Анализ историографии, посвященной социально-политическому развитию России XVI в., являлся важной частью работы. Молодого исследователя не удовлетворил взгляд Н.М. Карамзина на Ивана Грозного. Бахрушин справедливо отметил, что тот «глядел на Иоанна глазами кн. Курбского»³³⁸, что не позволило ему объективно подойти к оценке этого исторического деятеля. Большим шагом вперед стали книги С.М. Соловьева. Его мысль о том, что деятельность Ивана Грозного была обусловлена задачами государственного строительства, а не личными побуждениями правителя, привлекала молодого историка. По мнению Бахрушина, концепция Соловьева «является наиболее цельным, наиболее близким к истине, хотя... и она страдает некоторой односторонностью, некоторыми неточностями»³³⁹. Автор среди таких неточностей указывал на представление Соловьева об целенаправленности деятельности царя и на то, что боярская оппозиция носила узко-сословный характер. Более адекватное понимание устремлений бояр Бахрушин находил у Ключевского и Милюкова. Ему импонировала идея, что «в основании боярских притязаний лежала именно удельная традиция, но под влиянием исторической эволюции значительно переработанная»³⁴⁰. «Действительно, — пишет исследователь, — в середине и конце XVI в. поздно было говорить о борьбе с удельными порядками... Московский государь имел дело не с сепаратистскими тенденциями удельных князей, а с неудобными для него правительственными требованиями их потомков»³⁴¹. Более того, по мнению автора, оппозиционные настроения охватили не только боярство, но и все общественные классы: «Русская жизнь... боролась против Московской

³³¹ Там же. Л. 120–120 об.

³³² Ключевский В.О. Сочинения... Т. II. С. 121.

³³³ Любавский М.К. Лекции по древней русской истории до конца XVI века. СПб., 2002. С. 365.

³³⁴ Например: Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М., 1937. С. 96.

³³⁵ Например: Пайнс Р. Россия при старом режиме. М., 1993. С. 44–185.

³³⁶ АРАН. Ф. 624. Оп. 1. Ед. хр. 350. Л. 120 об.

³³⁷ Там же. Л. 121 об.

³³⁸ Там же. Л. 124 об.

³³⁹ Там же. Л. 129 об.

³⁴⁰ Там же. Л. 136 об.

³⁴¹ Там же. Л. 137.

кабалы»³⁴². В общественных настроениях недовольство выражалось сначала в еретических религиозных движениях, а к середине XVI в. приобрело отчетливый политический вид.

Таким образом, недовольство боярства, в концепции историка, было лишь вершиной айсберга, но, как и всякая вершина, она отражала и то, что происходило в низах. В осмыслении места боярской аристократии в русском обществе Бахрушин категорически не принимает взгляда историков-государственников об отсутствии в России аристократии западного типа. Сравнение наводит его на мысль о значительной схожести российских вотчинников с западноевропейскими феодалами. В этой мысли отразилась одна из тенденций отечественной исторической науки, направленная на ревизию концепции особого исторического пути России и рассмотрение его в контексте общеевропейской истории. Наиболее яркое выражение эта тенденция нашла в работах Н.П. Павлова-Сильванского и Б.И. Сыromятникова³⁴³. Но автор подмечает и значительное расхождение в положении отечественных и европейских землевладельцев. Он указывает на служилое положение аристократии, ее зависимость от «государевой службы»³⁴⁴. «Это была аристократия, но аристократия мертворожденная, со всеми свойственными высшему сословию недостатками, без одного из его качеств»³⁴⁵, — утверждал Бахрушин. Таким образом, боярство не могло составить реальной конкуренции царской власти. Ее оппозиционность была направлена на личность царя, но не на само устройство государства. Мешала этому и внутренняя разобщенность класса. Двойственное социальное положение боярства определило и его общественно-политические устремления: с одной стороны, оно защищает свои удельные вольности, а с другой — «заботится о частичном переустройстве строя в интересах службы»³⁴⁶. Именно на этой почве и выросла обширная «публицистика» (в средневековом смысле), обслуживающая боярские интересы.

Исследователь выделил четыре наиболее значительные темы, которым были посвящены полемические сочинения идеологов аристократии. Литература «во-первых, защищала землевладельческие интересы служилого сословия, во-вторых, работала над созданием исторической схемы... в-третьих, популяризировала собственную программу политических и социальных реформ и, наконец, отводила много места личным нападкам на представителя верховной власти и моральным обличениям»³⁴⁷. При этом, по глубокому убеждению автора, до нас дошли лишь остатки той обширной литературы, на которую была богата эпоха³⁴⁸. Основным источником идей для отечественных сочинителей XVI в. автор признает западное влияние. Тем самым он следует за популярной для современной ему историографии концепцией о зависимости русской культуры от европейского влияния.

В ходе разбора известных на тот момент источников Бахрушин остроумно решил множество частных вопросов. Так, например, в споре о достоверности известий Курбского он принимает идею о близости сообщаемых им сведений к действительности. Но при этом добавляет важную мысль о том, что нужно обращать внимание не только на фактическую сторону его сочинений, но и на ту окраску, которую им придает опальный князь. Именно в оценочной стороне работ Курбского лежат наиболее спорные места³⁴⁹. Большой интерес представляет рассмотрение биографии Курбского как типичного представителя московской

³⁴² Там же. Л. 140–140 об.

³⁴³ *Муравьев В.А.* Теории феодализма в России в русской историографии конца XIX – начала XX в.: Дисс. ... канд. истор. наук: Рукопись. М., 1969.

³⁴⁴ АРАН. Ф. 624. Оп. 1. Ед. хр. 350. Л. 150–161.

³⁴⁵ Там же. Л. 163.

³⁴⁶ Там же. Л. 173.

³⁴⁷ Там же. Л. 173 об.

³⁴⁸ Там же. Л. 200.

³⁴⁹ Там же. Л. 194 об.

знати того времени. Такой подход получил в современной историографии название метода контекстной биографии.

Основную часть исследования составил анализ отношения авторов сочинений к тем или иным злободневным для них вопросам, к которым относился, например, спор об отъезде от князя, отношение к верховной власти, местничество и т. д. Изучая «политическую платформу» аристократии, представленную в литературе, историк подчеркивает, что «выступая в защиту своих удельных вольностей от московского закрепощения, знать терпит полную неудачу. Действительно, оберегая от произвола отрывки устаревшей сепаратистской идеологии, она не чувствует под собою почвы и отдается в кабалу личную и имущественную...»³⁵⁰. Это подтверждают и те идеи, которые высказывало боярство в лице своих публицистов. В них не прослеживается стремление к переустройству существующего строя.

Таким образом, Бахрушин на примере политической публицистики стремился показать упадок боярства как самостоятельного общественного класса. В его понимании, нельзя преувеличивать ту опасность, которая исходила от аристократии. В этом он следовал за концепцией своего учителя Ключевского, также считавшего, что боярство отличалось практически полным равнодушием к своим политическим свободам³⁵¹. За сочинение Бахрушин получил от М.К. Любавского высшую оценку «весьма удовлетворительно».

Впоследствии в своем этюде «Как сложилось мое историческое мировоззрение» историк писал, что «Московский университет дал мне хорошую школу критики источников. Это была не шахматовская критика, углубленная и тонкая, запутывающаяся, как кружево, в изящном сплетении перекрестного допроса рукописных редакций... Критический метод, вынесенный мною из аудиторий Московского университета, был более рационалистичен, менее мелочен, строился на более широких общих основаниях; он был менее глубок, зато и менее мелочен...»³⁵². Однако, по мнению Бахрушина, университет не дал ему «общего исторического мировоззрения», которое пришлось формировать самостоятельно.

Сразу после успешной сдачи экзаменов Бахрушиным М.К. Любавский пригласил его остаться для приготовления к профессорскому званию на кафедре русской истории, он же и стал формальным руководителем молодого историка. При подготовке к магистерскому экзамену ему пришлось проработать огромное количество литературы и источников. К каждой работе он подходил критически, несмотря на звания и авторитет авторов. Прежде чем читать литературу по той или иной проблеме, Бахрушин взял за правило сперва тщательно ознакомиться непосредственно с источниками и сформировать собственный взгляд по изучаемым вопросам. Стремление к самостоятельности суждений станет впоследствии важной чертой научного почерка ученого. По его воспоминаниям, со стороны своего научного руководителя, М.К. Любавского, он не встретил никакой помощи при подготовке к экзаменам. Значительно большую поддержку оказал специалист по всеобщей истории Д.М. Петрушевский. Именно он знакомил историка с новейшими теориями, проявив искреннюю заинтересованность работой магистранта. «Более отзывчивого, мягкого и искреннего человека я редко встречал... постоянное, в течение ряда лет, научное общение с ним дало мне очень много, а то влияние, которое он оказывал на своих учеников, в том числе на тех из них, которые специализировались по русской истории под моим руководством, свидетельствует об очень большом педагогическом таланте»³⁵³, – вспоминал Бахрушин.

Днями напролет начинающий историк, готовясь к испытаниям, занимался в библиотеке Румянцевского музея. Именно здесь он познакомился с Готье, Яковлевым и Веселов-

³⁵⁰ Там же. Л. 238–238 об.

³⁵¹ Ключевский В.О. Боярская дума Древней Руси. 3-е изд. М., 1902. С. 285–286.

³⁵² Бахрушин С.В. Из воспоминаний... С. 164.

³⁵³ Там же. С. 155.

ским, уже достаточно хорошо знавшими друг друга. Так окончательно сформировался круг московских историков – выпускников Московского университета, которых можно назвать «младшим поколением Московской исторической школы». Их деятельность проходила на некотором удалении от более старшего поколения учеников Ключевского и Виноградова. Данное неформальное научное сообщество будет продолжать свою научную деятельность на протяжении двух десятилетий, пока его не разрушат обстоятельства, не имеющие прямого отношения к науке.

На первых порах Бахрушин активно занимался общественно-политической деятельностью. Он избирался в Московскую городскую думу три раза с 1909 по 1917 г.³⁵⁴. О своей работе историк оставил интересные заметки и воспоминания³⁵⁵. Он подробно описал ход выборов в 1909 г., отметив различия партийных пристрастий в зависимости от московских районов. Значительную роль играли «громкие фамилии», к коим и относился сам Бахрушин. Сам депутат не без иронии впоследствии вспоминал: «Я чувствовал вокруг своей головы ореол от блеска моей фамилии... На предвыборном собрании с обеих сторон произносились колкие и укорительные речи, дебатировались программы, вопросы, когда поднялся высокий, седой как лунь, старик в длинном сюртуке и в нескольких словах нравоучительным тоном рекомендовал выбирать „таких людей, как Бахрушин“: он меня не знал, не имел никакого представления о моих качествах и недостатках; он видел во мне лишь представителя той породы людей, которых „надо“ выбирать, и кои по своему положению призваны исполнять функцию гласных...»³⁵⁶. Большой интерес в воспоминаниях представляют и характеристики самых заметных членов Думы: Н.И. Гучкова, брата лидера октябристов, земского деятеля Д.Н. Шипова, Лидии Арманд, первой женщины в Думе, и т. д.

Подводя итоги деятельности городской думы созыва 1909–1913 гг., Бахрушин считал, что «отмечен могучий рост муниципализации предприятий общественного характера...»³⁵⁷. При этом историк вынужден был признать большое количество нерешенных проблем. Выходом из сложившейся ситуации, с его точки зрения, была коренная перестройка существовавшего аппарата, которая могла бы еще более усилить его демократизм³⁵⁸. Кроме того, историк ратовал за необходимость более спокойной общественной обстановки для работы думы. Его не устраивали те политические баталии, которые проходили в думе между радикалами и умеренно настроенными: «Партийность, разделившая Думу на два враждебных лагеря, создавала атмосферу, не позволявшую часто правильно оценивать и разрешать вопросы»³⁵⁹. Сам Бахрушин, очевидно, относился скорее к умеренному лагерю, хотя его и причисляли к левым кадетам.

Активная общественная деятельность мешала научной работе. Единственной заметной научно-исследовательской работой, опубликованной в дореволюционное время Бахрушиным, стала статья «Княжеское хозяйство XV и первой половины XVI в.», вышедшая в «Сборнике статей в честь В.О. Ключевского» в 1909 г. В статье подробно, с привлечением нового фактического материала, рассмотрены механизмы функционирования княжеской вотчины. Автор выяснил, что в XV в. наблюдается значительное сокращение несвободного населения и привлечение независимых оброчников. Ученый связывал это с общей децентрализацией княжеского хозяйства, приведшей к необходимости привлечения допол-

³⁵⁴ Писарькова Л. Ф. Московская городская дума. 1863–1917. М., 1998. С. 495.

³⁵⁵ АРАН. Ф. 624. Оп. 2. Ед. хр. 69. Еще один экземпляр хранится в: ЦИАМ. Ф. 2263.

³⁵⁶ АРАН. Ф. 624. Оп. 2. Ед. хр. 69. Л. 4.

³⁵⁷ Там же. Л. 1.

³⁵⁸ Там же. Л. 3.

³⁵⁹ Там же. Л. 2.

нительной трудовой силы³⁶⁰. Историк подчеркивал исключительно натуральный характер владений, где на продажу шла только соль. В конце XV в., по наблюдениям Бахрушина, княжеское хозяйство вошло в полосу кризиса, вызванного общим упадком земледелия и задолженностью князей в результате их неумения рационально вести хозяйство на фоне роста товарно-денежных отношений. В результате кризиса произошла очередная мобилизация земель, позволившая московским князьям поглотить удельное княжеское землевладение³⁶¹. Статья молодого историка сразу обозначила его интерес к социально-экономической истории и привлекла внимание в научной среде³⁶².

6. Взаимоотношения Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева и С.В. Бахрушина

Представители «младшего поколения» Московской исторической школы начинали свою научную карьеру в сложных историографических условиях. На таком фоне происходит объединение выпускников Московского университета разных лет в более или менее сплоченную группу. Знакомство Готье с Яковлевым происходит в Московском университете, где последний начинает преподавать после сдачи магистерских экзаменов. Между ними установились хорошие отношения, и, как уже говорилось, Готье содействовал приглашению Яковлева работать в Румянцевском музее, куда он поступает в качестве заведующего читальным залом 1 мая 1906 г.³⁶³ В то же время в читальном зале интенсивно по 10 часов в день готовился к сдаче магистерских экзаменов Бахрушин. Именно там он познакомился с Готье и Яковлевым, а общие учителя и интересы быстро сблизили молодых ученых. Яковлев способствовал знакомству Бахрушина с Веселовским. Таким образом, сформировался неформальный круг общения молодых московских историков. Взаимоотношения между ними не всегда были безоблачными. Так, долгое время протекал скрытый конфликт между Готье и Веселовским после критической рецензии последнего на книгу «Замосковский край в XVII веке». Тем не менее отношения сложились очень тесные и большей частью дружеские. Связующим звеном этого круга был Яковлев, отличавшийся умением ладить с людьми разных характеров.

Так, в своих письмах Бахрушин обращался к Яковлеву, как правило, на «ты»³⁶⁴. В своих воспоминаниях начала 1930-х гг. Бахрушин впоследствии давал следующую характеристику Яковлеву: «Его тонкая мысль, его глубокая и разносторонняя эрудиция, художественная яркость речи, смелость и оригинальность суждений не могли не очаровать юношу, до тех пор знавшего лишь официальную книжную историографию и не имевшего случая сталкиваться с живым обсуждением научных вопросов, а исключительные душевные качества этого талантливого ученого не могли не привлечь моего сердца. Так завязалась та близкая и дружеская связь, которая про тянулась более четверти века до настоящего момента, никогда не слабея, и дала мне, кроме радостей общения с выдающимся по уму и сердцу человеком, неизмеримо много глубоких и сильных научных впечатлений. Я думаю, что из всех моих друзей А.И. Яковлев оказал на меня наиболее действенное влияние. В первые моменты я всецело подчинился чарующему обаянию его личности, упивался его речью, ловил каждое его слово, впитывал в себя каждое его суждение, ошеломленный полетом, новизной и

³⁶⁰ Бахрушин С.В. Княжеское хозяйство XV и первой половины XVI в. // Бахрушин С.В. Научные труды: В т. II. М., 1954. С. 40.

³⁶¹ Там же. С. 44.

³⁶² Дубровский А.М. С.В. Бахрушин и его время... С. 36.

³⁶³ Отчет Московского публичного и Румянцевского музеев за 1906 г. М., 1907. С. 10, 112.

³⁶⁴ АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Ед. хр.

дерзновением его научной фантазии, обвороченный изяществом и тонкостью его блестящей мысли. Я искал его общества, как прозелит жаждет слова своего пророка, я забывался в бесконечных беседах с ним, и он шел навстречу мне со своей изящной приветливостью, со своей милой и обаятельной улыбкой. „Вы точно влюбленные“, – сказал раз один из наших ученых знакомых, застав нас вдвоем. Если я вообще могу назвать себя чьим-либо учеником, то с наибольшим правом я бы присвоил себе честь считаться учеником именно Алексея Ивановича. Впо следствии мы во многом расходились: и в научных вопросах, и в политических убеждениях, и в вопросах житейских»³⁶⁵.

Бахрушин и Яковлев сильно отличались характерами: «Но главное, что нас разделяло, была разница тем пераменты: горячий, отдававшийся с головой чувству, страстный в симпатиях и антипатиях, А.И. Яковлев раздражался часто моим индифферентизмом во многих вопросах, волновавших его пылкую душу, прямолинейный до несдержанности, он не мог примириться с моей податливостью на компромиссы. Но обоюдное чувство прочной дружбы и доверия осталось, и, хочется верить, останется до конца наших дней, не изменилось с его стороны трогательная, почти нежная внимательность старшего к младшему, а с моей, восторженное преклонение перед силой его таланта; и эта взаимная связь личной и научной дружбы скрепилась еще теснее не только общностью научных интересов, не умиравших, а наоборот, возраставших с годами, но и дружескими отношениями, сложившимися между мною и его семьей...»³⁶⁶.

В данном отрывке важно подчеркнуть, что близость двух ученых базировалась не только на личной симпатии, но и на общности научных интересов, а это важная коммуникационная характеристика научной школы.

Не меньший интерес представляет и бахрушинская характеристика Веселовского. С ним у Бахрушина установились не такие тесные отношения, как с Яковлевым, да и к некоторым работам Веселовского Бахрушин относился несколько скептически. Он признавал за ним большую эрудицию и знание архивного материала, способность к тонкому источниковедческому анализу, но многие черты его исследовательского почерка Бахрушина не устраивали. «Здесь я впервые познакомился с С.Б. Веселовским, о котором я так много слышал до тех пор от А.И. Яковлева и Ю.В. Готье, и мог лично оценить этого „русского Моммсена“, как его шутливо любил называть Ю.В. Готье, сочетавшего в себе противоположные свойства крупного ученого и капризного ребенка, европейски образованного *homme de lettres* и подьячего московского приказа, в котором своеобразно сплетались широкое и всестороннее знание печатных и архивных источников с большой узостью исторической мысли, и мелкое тщеславие и эгоизм с радушной готовностью прийти всегда на помощь начинающим неопытным. Сибарит и неутомимый труженик, он всю жизнь посвятил кропотливой исследовательской работе. Никто, как он, не знал русских архивов; его собрание копий с архивных документов не имело себе равного. И свои знания, и свои коллекции он одинаково охотно, с искренним удовольствием, открывал и друзьям, и случайным знакомым, и молодежи; но его советы в области научных вопросов были часто пагубны, а темы, рекомендуемые им, отличались необыкновенной бесплодностью и бессодержательностью. Самого его обилие материалов захлестывало, топило; крупные вещи, как его „Сошное письмо“, были неудобочитаемы вследствие отсутствия стройности изложения, неумения широко ставить вопрос и обилия деталей технического характера; за то в небольших очерках вроде „Семь сборов запросных денег“ он был настоящий мастер. Молодежи он imponировал своими знаниями и безапелляционностью определений; среди старшего поколения его недолюбливали за самоуверен-

³⁶⁵ Бахрушин С.В. Из воспоминаний / Публ. А.М. Дубровского // Проблемы социальной истории Европы: От античности до Нового времени. Брянск, 1995. С. 148.

³⁶⁶ Там же. С. 149.

ность и резкость в критических отзывах. Его слабой стороной было отсутствие исторической школы: он был юрист по образованию, юристом остался и в своих исторических трудах, и никогда не мог справиться с более широкими историческими проблемами, изучая исторические явления исключительно с юридической точки зрения, и был совершенно неспособен к постановке социальных вопросов. Эти недостатки особенно ярко отражались на его капитальном труде „Сошное письмо“... Излагая до последней мелочи всю технику сошного письма и возведя до степени вопросов первейшей важности все связанные с этой стороной дела разногласия, он совершенно не интересуется социальным смыслом „сошного письма“ и теми социально-экономическими условиями, которые его создали, пропуская мимо себя в своем грандиозном 2-х томном труде эту наиболее существенную сторону вопроса, которую затем так блестяще в несколько штрихов разрешил А. И. Яковлев в своей диссертации о „Приказе сбора ратных людей“; кстати сказать, С. Б. Веселовский так никогда и не понял, в чем суть тех полуупреков, которые долетали до него, как и не понял ценности немногих страниц в книге Яковлева, посвященных вопросу, который, по мнению его, он исчерпал до конца»³⁶⁷. Тем не менее именно Веселовский ввел Бахрушина в круги московских и петербургских историков и показал ему архивные фонды по истории Сибири, темы, ставшей главной для Бахрушина после революции.

³⁶⁷ Там же. С. 150–151.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.